

СМЕНА

2

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
М. Грачева.

НАШ ПУТЬ — В КОММУНИЗМ

Слова Бориса ШАХОВСКОГО,
Музыки Александра ЛЕБЕДИНСКОГО.

Мы первыми вышли к весеннему
свету
Из мрака насилия и рабских времен.
Стоит нерушимо Огнзна Советов
Под сенью Октябрьских
бессмертных знамен.

Припев:

Над нами кремлевские звезды
аллеют.
У нас беспоянное сердце в
груди.
Нас вырастил Ленин — мы все
одолеем.
Наш партия учит — мы все
победим.

Наш путь — в коммунизм, в
неоглядные дали,
К огням небывалых и гордых
вершин.
И даже в былинах мечтать не
дезавидно
О том, что мы в жизни сегодня
вершим.

Припев.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Январь. № 2. 1959 год.

Год
издания
36-й

ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА, ДЛЯ ЕГО СЧАСТЬЯ

Вегений ДОЛМАТОВСКИЙ

В жизни нашей страны 1959 год открывается большим и волнующим событием — XXI съездом Коммунистической партии. На съезде будет принят семилетний план, уже инициатива стала в марте, уже растущий этажам новых домов и стенам заводских корпусов, набуривший зарыв под теплым сиянием полярном на бывших целинных землях, летящий спутником вокруг нашего земного шара и межпланетной ракеты.

Семилетка! Это слово уже стало для нас близким и родным. Каждая страница контрольных цифр открывает перед нами величественные горизонты будущего. Большая энергетика, Большая земля, широкое мирное использование атомной энергии, широкий рост культуры... Всего не перечислишь. И все это для человека, во имя человека, для его роста, для его счастья!

Мы знаем, ощущаем не только умом, но и сердцем: все, что будет сделано в семилетие, — это для нас, для каждого из нас. Если развитие тяжелой промышленности в капиталистическом мире направлено к обогащению стальных и угольных королей, то советский человек рассматривает рост производства металла, угля, нефти как свое кровное дело, как источник роста культуры, благосостояния, как основу своего личного роста.

В семилетие рост производства предметов потребления увеличится на две трети. Если вспомнить, от какого жизненного уровня мы начинали, какое чудовищное разорение принесла нашему народу вторая мировая война, обрушившаяся всей своей тяжестью на плечи советских людей, станет особенно ясно, как много уже сделано во всех областях нашей жизни.

Семилетка — это не просто иной срок выполнения плана: не пять, а семь лет. Это качественно новый характер времени. И, конечно, своим величием и размахом семилетка обязана пятилеткам — подлинно героическому труду народа, сделавшего чудесной явью ленинские предвещания социализма. Молодой человек, родившийся в третьей пятилетке и почувствовавший себя взрослым в шестой, может быть, и не сумеет в полной мере ощутить, сколько сделано партией и народом, как начиналось наше строительство, каких усилий оно стоило, какой грандиозный путь к семилетке прошли мы. Я бы хотел в заключение первой пятилетки и помню, что не экзакторы, а платы и такни были орудиями строителей первой пятилетки, что дома и домы возводились без подъемных кранов, в бурю, на бешеном ветру, что обшук, а не врубная машина, помогала добывать уголь, скупо согрешившая нас тогда. Но это — вопросы техники. А что касается культуры, то в семилетии, которое еще восьмилетнее образование, а ликвидация неграмотности стояла как неотложная задача перед Родиной, еще не оправившейся от разгула, которую принесли первая мировая и гражданская войны.

Обогнав Европу по объему промышленного производства, страна наша поставила перед собой новую задачу — догнать Соединенные Штаты. И так же, как все наши прошлые планы, и этот будет выполнен и перевыполнен.

История человечества знала во все времена крике влзеты человеческой души, развитие индивидуальных талантов, становившихся гордостью наций и столбов. Но социализм как формация впервые предоставляет народу возможность раскрытия каждой личности, массового раскрытия всех талантов и глубине каждой души.

Труд советского человека и его отношение ко всему тому, что, по старым понятиям, выходит за пределы «личного», постепенно приобретает совершенно новые, особые, доселе небывалые черты. Мы не всегда замечаем в нашей жизни, что в последние годы говорят о более молодых людях — уже врожденные черты нового человека, гражданина эпохи социализма, которые существуют в жизни. Одним из таких внешне незаметных благодаря своей естественности проявлений нового было всенародное предсезонное обсуждение контрольных цифр семилетки.

Съезд Коммунистической партии Советского Союза, принимая новую великую план, учтет и подпитывает ее ценное, что родилось при всенародном обсуждении. Можно с убежденностью сказать, что семилетний план создан многомиллионным коллективом, созданным народом, ощущающим себя как творца своей судьбы и своей страны. Сердце это — наша Коммунистическая партия, вдохновитель и организатор всех наших побед.

Наша молодежь, полна искренней и преданной любви к ленинской партии, ведущей страны вперед, как корабль, сквозь бури и невзгоды. Пусть и книга на этом корабле, но ведь книга чаще всего поручают с самой высокой миссией следить за поведением на горизонте долгожданной земли.

На пороге семилетки советская молодежь, подобно тому, как в гражданскую войну, в период восстановления, в эпоху первых пятилеток, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, вновь показала свою преданность родной партии.

Бригады коммунистического труда только создаются, только формируются, но уже видно, что это — чудесное явление современности, новая ступень роста советских людей.

Жить и работать по-коммунистически — ведь это то, о чем меч-

тал Ленин! И это стало потребностью нашей молодежи, родилось в ее глубинах, в гуще жизни, созрело, как плод, как результат долгой и кропотливой работы партии по воспитанию народа.

Люди, взявшие на себя эти высокие обязанности и завоевавшие право называться членами бригад коммунистического труда, понимают и чувствуют всю свою ответственность перед прошлым и будущим: они идут вперед, прокладывая путь. Хорошо, что бригады коммунистического труда, положив в основу единый принцип, идут разнообразными формами деятельности, оберегают свои планы. Чувствуется, что открытые школы народной инициативы дадут много разнообразных потоков. А русло и направление течения общее: вперед к коммунизму!

Контрольные цифры семилетнего плана читаются, как поэма, звучат, как песня. Каждый из нас сейчас становится географом: невозможно оторвать взгляд от карты, где каждый квадрат заложено значками новых строек.

Но неизмеримо прекраснее живое знание нового, когда перед твоими глазами возникает, как чудесные видения, города и заводы. Я испытываю это чувство, повидя по стране. А самое прекрасное — быть строителем семилетки, членом многомиллионного коллектива ее творцов. С хорошего трамплина берет старт семилетка! Недавно в городе Воскресенске, под Москвой, я был на новоселье у молодого строителя. Гости с пристратием осматривали квартиру, отдавали должное добротности постройки трехэтажного нового дома. А хозяин сказал весело: «Этот дом я строил. Не знал, что мне здесь дадут квартиру, но строил крепко, как для себя!»

«Как для себя!» — вот отношение рабочего к труду, выработанное социалистическим обществом.

Было бы naïвно думать, что все советские люди уже обладают коммунистическим сознанием, что, попросту говоря, в области воспитания и культуры уже вроде как бы и нечего. Нет, и нас еще немало разгильдяйства, рутинки и прочий проклятый наследия и остаточных явлений старого мира. Нельзя предположить, что они исчезнут сами, сойдут на нет. Необходима активная борьба, и почетная роль атакующей должна принадлежать комсомолу, молодежи.

Великим достижением, конечно, серьезный фактор в жизни каждого из нас, современников. Но современник — это не согладаясь, а творец своего времени, его труженик, его строитель.

Коммунистические черты, выработанные в характере советского человека, ярко проявились за последние годы в труде и жизни молодежи. Восторженности комсомольской молодежи, ее зелье, движение на стройки Сибири и создание бригад коммунистического труда — явления одного порядка. Они лицо нашей молодежи.

Содействовать проявлению лучших качеств молодежи будет и перестройка средней и высшей школы. Это поистине грандиозное дело подкашивает жизнь, почернухой из сокровищницы народного опыта. Труд — благороднейший рычаг воспитания — станет с ранних лет спутником нового человека, обогатит его опытом и знанием.

Мы подсчитывали в прошлом году немало поездов по стране: я был и на Волге, и на Ангаре, и на строительстве канала в Знойной пустыне Средней Азии, и забой высокового метро. Сандельтовую: в обилие современного советского рабочего произошли существенные изменения, появились новые черты. Не только по внешнему облику, но и по характеру, по психологии, если только, рабочий мало чем отличается теперь от инженера или техника, но есть представители технической интеллигенции.

Но одна насыщенность строем машинными тому причиной. Разветвленная система вечернего и заочного обучения позволяет каждому рабочему непрерывно повышать свою квалификацию, постепенно приобретать инженерный диплом.

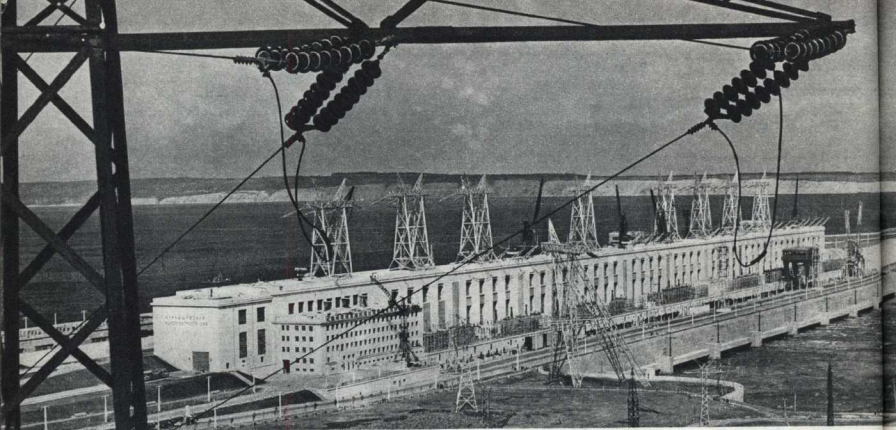
Стирание граней между умственным и физическим трудом — реальное явление эпохи социализма, и ему соответствует и очень поможет начинающаяся перестройка обучения.

Чрезвычайно важной чертой нового великого плана и, как принято называть, «текущего момента» кажется мне гармоничность развития всех сторон нашего хозяйства и нашего общества.

Производство и сельское хозяйство идут в ногу, взаимно укрепляя друг друга. В последние пятилетие партии были приняты решительные меры для упрочения сельского хозяйства. Декларация Пленума ЦК подвела первые итоги этой работы и наметила путь для дальнейшего роста производства сельскохозяйственной продукции. Неурожайный сезон рабочего класса и крестьянства — вот основа успехов и промышленности и нашего сельского хозяйства.

А наука и культура! Они также развиваются в гармоничном единстве с промышленностью и сельским хозяйством. Наши ученые тесно связаны с производством, они поставили на службу народу расщепленный атом и посвящают ему все новые и новые открытия.

В хорошее, в удивительное время мы живем. В славы дни собирается XXI съезд нашей родной Коммунистической партии. Советская молодежь рапортует съезду вдохновением, трудовыми успехами, решимостью работать и жить по-коммунистически!

РАЗМАХА ШАГИ САКЕШЫ...

Между XX и XXI съездами Коммунистической партии произошло всего три года. Для истории это очень короткий промежуток. Но какой гигантский шаг сделала наша Родина за эти три года по пути строительства коммунизма! Осуществляя основную задачу XX съезда — неуклонно наращивать темпы промышленности — наш народ добился замечательных успехов. Пятьдесят пять миллионов тонн стали — на 10 миллионов тонн больше, чем в 1955 году — выпущено в минувшем году сталелитейными промышленными машинами, обогатились новыми станками и сельскохозмашинами, увеличилась численность рабочих и служащих на предприятиях.

Энергетика — мощная резервная база развития. Построены новые электростанции — в основном гидроэлектростанции — в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане, в Средней Азии, в Крыму, в Грузии, в Армении, в Болгарии, в Югославии, в Румынии, в Венгрии, в Чехословакии, в Польше, в ГДР, в ФРГ, в Японии, в Индии, в Австралии, в Канаде, в США. Это — огромные успехи в развитии электротехники, в освоении новых источников энергии.

Новые месторождения нефти и газа, открытие новых месторождений угля, развитие химической промышленности позволили создать изобилие предметов широкого потребления, корабельного флота, авиации, космической техники, средств связи. Именно химическая промышленность позволила создать изобилие предметов широкого потребления, корабельного флота, авиации, космической техники, средств связи.

Гигантский скачок произошел за последние годы и в сельском хозяйстве. Мероприятия, проведенные партией, позволили обеспечить население страны продуктами животноводства и растениеводства. Вспомогательные отрасли промышленности, строительные организации, транспорт, связи, торговля, культура, здравоохранение, образование, наука, искусство, физкультурно-спортивные организации, общественные организации — все это достигло небывалых успехов. Это — огромные успехи в развитии народного хозяйства, в развитии культуры, науки, искусства, физкультурно-спортивных организаций, общественных организаций.

За последние годы в мире осуществлено строительство первой в истории космической станции — «Спутник-1». Это — огромный шаг вперед в развитии космонавтики. Это — огромный шаг вперед в развитии науки и техники. Это — огромный шаг вперед в развитии культуры и искусства. Это — огромный шаг вперед в развитии физкультурно-спортивных организаций, общественных организаций.

Эти успехи — результат мудрой политики Коммунистической партии. Это — результат героического труда советского народа. Это — результат героического труда рабочих и служащих предприятий. Это — результат героического труда колхозников и рабочих совхозов. Это — результат героического труда ученых, инженеров, учителей, врачей, артистов, спортсменов, общественных деятелей. Это — результат героического труда всего советского народа.

За последние годы начато строительство газопроводов Серпухов — Ленинград, Саратов — Горький, Дашава — Минск. Трубами эти магистрали снабжает Челябинский трубопрокатный завод, новый цех которого вы видите на снимке.

По многим магистралям страны пошли электропоезда. На снимке: электропоезд на участке железной дороги Иркутск — Слюдянка.

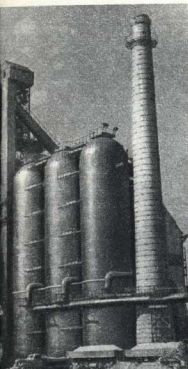
Вступили в строй новые заводы, вырабатывающие синтетические материалы. На снимке: в одном из цехов Сумгаитского завода синтетического каучука.

Недавно вступила в строй гидроэлектростанция имени В. И. Ленина на Волге мощностью 2,2 миллиона киловатт. Построены Иркутская и Новосибирская ГЭС, начато сооружение гигантов на Бийске и Ангаре. На снимке: ГЭС имени В. И. Ленина.

Фото А. Горячева, М. Грачева, М. Мисеева, П. Мочевникова, М. Редькина, А. Скрябина, А. Удьява.

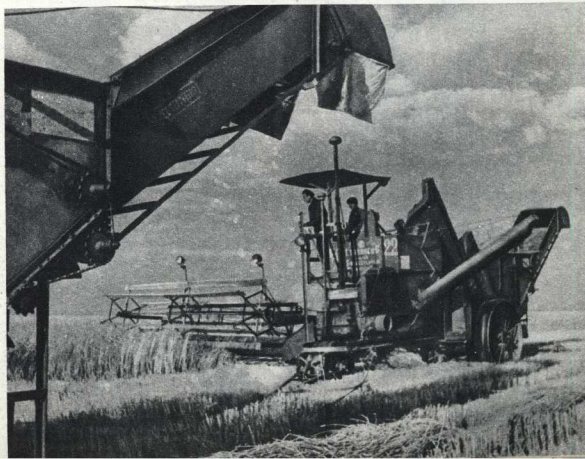

Вступили в строй новые доменные печи.

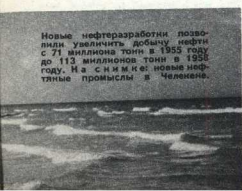

Двести шестьдесят миллионов квадратных метров жилой площади построено за последние годы в городах и рабочих поселках. На снимке: новые кварталы Юго-Западного района столицы.

Выдающихся успехов достигло сельское хозяйство нашей страны. В 1958 году собрано 8,5 миллиарда пудов зерна. На снимке: уборка пшеницы в целинном совхозе «Урожайный», Алтайского края.

Новые нефтезаводы позволили увеличить добычу нефти с 71 миллиона тонн в 1955 году до 113 миллионов тонн в 1958 году. На снимке: новые нефтяные промыслы в Челябине.

Вадим СОБКО

Рисунок А. Лурье

ПЕРЕД БОЛЬШИМ БОЕМ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА «НАМ ПОКОЙ ТОЛЬКО СНИТСЯ»

На склоне невьяского пригорода, поднимающегося над степью, словно застывшая волна, стояла небольшая, в полметра высотой, деревянный колышек; на прибитой к нему поперечной от дождя и ветров фанере змиемским карандашом было написано: «Терноградская-комсомольская».

Десять тяжелых грузовиков-самосалов, свернувшись с широкого асфальтированного шоссе на размытую дождями полевую дорогу, проехали с километр и остановились возле этого колышка. На машинах — комсомольцы Терноградска, триста человек, строители будущей шахты. Лица у всех настроены, трезвые; чувства напряжены: ведь начинается новая, неизвестная жизнь...

А вокруг тусклый осенний пейзаж, коричневые голые пригорки, между которыми виднеются покосы на египетских пирамидах терноградских далеких шахт; и над всем этим, точно натанцованное, серое небо.

Дул холодный, резкий ветер. Такого ветра никогда не знала Катя Несмеяна, даже запах у ветра был особый — немалого едкий, напоминающий запах дыма.

«Это, наверное, от угля», — подумала Катя. Комсомольцы спрыгивали с машин и удивленно поглядывали по сторонам. Все было здесь довольно и необычно: унылая степь, на которой не видно ни одного деревца, скачущие копы и, наконец, этот колышек с куском фанеры и лакированной надписью. На отдаленных холмах виднелись силуэты людей. Где-то вдали гулко, точно под землей, жужжали тракторы.

«Здорово нас встрянуло! — пожаловался Иван Дуленко, невольно вспоминая встречу в Сталино, где не было ни цветов, ни митингов, ни речей, а представитель обкома комсомола напомнил военного комиссара в дни мобилизации. После торжественных проводов в Терноградске такая встреча показалась странной».

«Негде с речами выступать», — объяснил Катя Несмеяна в Сталино. — Скажите спасибо, что есть свободные машины, и выезжайте на место, не теряя времени. Вы тридцать шесть эшелонов за этой неделе. Торопитесь, нет короткие, а вам еще на ночлег надо устроиться».

От Сталино до Шахтерска, где намечалось строительство шахты, ехали часа два. И все это время комсомольцы не переставали удивляться новым заводам, электростанциям, шахтам, мимо которых пролетала эшелоны. Когда это все успели построить! Потом машины свернули к пригряду и, выехав комсомольцев, укатили обратно. На сердце у ребят стало неспокойно, будто оборвались ниточки, тянувшиеся за ними от самого Терноградска.

«Взгляды» все обратились к Кате — комсоргу эшелона, человеку, который должен был знать больше, чем другие. Катя Несмеяна понимала, что для нее наступили минуты очень важного испытания. Начальник строительства шахты Бондур сказал, что придет на место, даст распоряжение, все устроит. Но что предпринять до его приезда? Как отвечать на вопросы, которые сыплются со всех сторон:

— Катя, а где будем ночевать?

— Катя, а в какой столовой пообедаем?

Эти минуты девушка потом вспоминала не раз. Вот что рассказывала она дома много дней спустя:

— Окружили меня все, спрашивают, а я не только ответить, но и расписать ничего не могу. И, признаюсь, испугалась... «Плохой, — думаю, — из меня руководитель, если я не сумею договориться в райком комсомола о еде и ночлеге. Вот возьмут комсомольцы и разойдутся кто куда. Как их потом собрать? И что сейчас делать? Просто сказать, чтобы ожидали, пока придет Бондур! А разве я знаю, когда он придет? Какой же из меня комсорг, если я не предусмотрела всего этого! А я ведь комсорг! Комсомольский организатор! Организатор! Значит, с этого и начинать следует... Если через час начальница не будет, — мысленно говорю себе, — придется вести людей а Шахтерск и там устроиться на ночлег». Смотрю на часы — половина первого. Дни осенние, короткие, скоро стемнеет. «Ну, ничего, — думаю, — сейчас мы попробуем что-нибудь предпринять». Подымаю к себе Арсена Загорного — у него голос, как труба, — и Андрея Перека; говорю им:

«Ребята, до прибытия начальства и общего комсомольского собрания, на котором избирать комитет, вы назначаетесь своим помощниками».

Андрей комзырнул и сказал: «Есть!», — Загорный сделал то же самое.

«А ну-ка, Арсен, у тебя голос громкий, сможешь стать еским в одну эшелону и по порядку номеров расчитаться».

«Сейчас я все сделаю», — отвечает за Арсена Перека и выходит на бугорок, у которого стоят комсомольцы.

«В одну эшелону!»

Выстроились они комсомольцы в одну эшелону, на Перека смотрят, а он, точно на настоящем параде, подходит ко мне и, пристукивая каблуками, рапортует во весь голос: «Товарищ комсорг, комсомольцы «Терноградской-комсомольской» для первого разговора построены!»

Посмотрела я на ребят — триста человек стоят в одну эшелону. А в среди них как будто вставший командир. Боюсь мне и невольно как-то. Но ничего не подавляешь. В такой момент иначе нельзя. Командую:

«Разделитесь на двенадцать бригад и назначьте бригадиров!»

«Есть!» — отвечают Перека и Загорный.

Взгляды мои отсчитывай людей, а я стою на бугорке около колышка терноградского, и сердце мое стнчет. Ну, а что потом делать, когда они разойдутся на бригады? И ругать себя последними словами, что согласилась сюда ехать, не осталась в Шахтерске. Ребята же, как назло, такие организованные, так быстро на бригады делятся, что и глазом моргнуть не успела, как уже все было готово. Подходит Загорный с Переватом, рапортует — приказ выполнен. Я и сама вижу, что выполнен, а что дальше делать? И тогда мне, наверное, единственно правильная мысль пришла в голову: с людьми посоветоваться. Я там и делаю.

«Бригадиры со списками бригад ко мне!»

Через десять минут собираются вокруг меня бригадиры. Все двенадцать, и среди них две девушки. Проверяю списки — все триста назвали, ни один не потерялся.

«Ну», — говорю, — товарищи бригадиры, придется нам подождать, пока начальник строительства придет. Прошу людей никуда не отпускать. Если через час начальник не появится, добегать на полутрой машине до райкома, и тогда все уладится. У кого есть вопросы?»

«Одним словом, ясно, что ничего не ясно», — засмеялся Анастас Цыбулько.

Я стою сама не своя. В душе прокинула себя за ошибку: почему на начальнике понадеялась, почему сразу в райком не пошла!

— А сейчас — говорит Перекат — пусть куда-то, кто с собой привезла: на обед шансы пока что проблематические.

«А разве у них запасы есть?» — спрашиваю. «На сегодня есть хватит», — засмеялся Иван Удальша.

Удальша в эти слова — и сразу от сердца у меня отлегло...

На этом месте Ката почти всегда обрывала воспоминания и начинала рассказывать про боевые задания в боях.

— К Ката, стоявшей немного в стороне от других комсомольцев, подошел незнакомый высокий парень в синем бушлате и в кепке с маленьким козырьком. Веселое лицо его было привлекательно, если бы не тонкие темные ушки. Парень подошел и, поправив висевший через плечо баян, сказал:

— Разрешите отрендеваться: Григорий Погребник. Забочник с шахты Калинин. Рад познакомиться в Донбассе.

— Здравствуйте! — ответила Ката. — Терноградские будете?

— Да.

— А мы вас уже давно ожидаем.

— Кто это — мы?

— Наши ребята. Говорят, девушки в Тернограде — красавицы.

— Можете убедиться.

— Судя по вас, полный порядок.

— Спасибо за доброе слово. Когда будете на девушку смотреть, не забудьте взглянуть и на ребят, — посоветовала Ката.

— А мне на них наплевать! — закричал сказал Григорий. — Мне девушка интересней. Везла на Роменско-комсомольской смотрныи устроила, сегодня ваша очередь. А вы кто будете — комсорг?

— Да.

— Ну, такого красивого комсорга я бы не избрала.

«Синих глаз под черными бровями завещал боиться мне отец», — зашел он, весело и многозначительно поглядывая на Катю.

— Напрасно вы оттогого завещания не слушаетесь, — заметила девушка.

— А вот сейчас посмотрим, как оно будет, — сказал Григорий Погребник, когда оно было у Анастас Цыбулько, которая стояла около груди чехомодки и уткнуло спудку. — Разрешите на ваш чехомодчик присесть?

— Играть будете! — обрадовалась девушка.

— Попробую.

Он сел на чехомод, снял с плеча баян, расставил лапы, но без высокомерия посмотрел на комсомольцев, приходящих, того же сыграть, потом прошла сверху вниз по клавиатуре, будто проверяя, ладно ли звучит баян, и только тогда заиграл.

Первой на выдохнула Анастас Цыбулько, за руки схватила Арсена Загорного и втянула его в круг, который сразу же образовался перед баянником. Здоровенный Арсен как будто нас Анастасию не вытаскивая, руки — пара была очень смелая. Девушка напевала в такт танцу, круглое лицо ее покраснело от возбуждения.

Круг быстро наполнился танцующими. Будто все парни и девушки только и ожидали первого аккорда, чтобы отжаться пласки. И хотя еще неизвестно, где они будут спать, что будет есть, и пусть немного боляно перед незнакомой и непривычной работой, каждая в глубине души вярла, что все кончится хорошо: ведь они пришли по зову комсомола! Земля стонала от топота молодых ног. Важно сидел на чехомоде Григорий Погребник, синхронно поглядывая на комсомольцев. Нет, видимо, сплел о том, что среди терноградских девчат много красивых, лжкие. Ничего особенного в них нет, девушки как девушки. Видели мы таких. Вот только комсорг — настоящая красавица. С такой и ему, Григорий Погребнику, не стыдно сходить в кино. И скондит. Вот пусть только немного устроится комсомольцем, и все войдет в свою колею. А комсорг от Погребника никуда не денется, это уж точно.

Играя, парень все время поглядывал в ту сторону, где стояла Ката. И каждый раз, когда Григорий Погребник бросал на девушку

взгляд, ее лицо порожало своей привлекательностью, строгой красотой.

«Еще было еще в нашем списке комсоргов комсомольских шахт, теперь будут», — пытался убедить себя в возможности легкой победы и в то же время чувствовал какую-то неуверенность, думал Погребник. — Хороша девушка, с такой не только в кино ходить, на такой и жениться можно...»

Внименно его адрут привлекла другая личина. Она почему-то не танцевала, а стояла в стороне, то и дело поглядывая на Арсена Загорного. «Тоже стойкий экземпляр», — подумал Погребник, но посмотрел на Катю и улыбнулся: — Нет, разве можно ее сравнить с комсоргом, у которого такие чудесные голубые глаза!»

А в это время к Ката Несмен подошел другой незнакомый парень, высокого роста, тонкий, с длинными серьезными рыцон и не-бритыми щеками. Одетый, как и все парни, в ватный бушлат, он внешне ничем не отличался от терноградских комсомольцев. Ката внимательно поглядывала на него.

— Давайте познакомимся, — сказал парень. — Вас Коленко, комсорг соседней, Подольской шахты. Только что прибыли!

Ката была рада позволению Коленко, как неизданному подарку.

— Давайте познакомимся, — сказал парень мне, как воздух, иржик. Мы только что прибыли, ничего не знаем, спросить не у кого, начальник строительства еще не приехал, просто беда! Рассказывай, где вы живете и как устроились.

Вас Коленко сочувственно улыбнулся. Нечто подобное он пережил три дня назад, когда комсомольцы Полься прибыли в Донецкую степь. Только они приехали вечером, и устроившись им, пришлось ночью. Веселая была ночь: не узнавая друг друга в темноте, стались, спугнулись, потом услыли кто где, а когда стал доминать холод, начали аскаивать, бороться... Утром все как-то само собой организовалось.

Коленко рассказал обо всем этом, и Ката немного успокоилась. Конечно, все организуется! Напрасно она так волнуется.

— А у вас здесь весело, — сказала Коленко, поглядывая на Катю. — Только должен тебя сказать — у нас это гармонист тоже был. Он как будто все новые комсомольские шахты проветрял, а зачем это ему, неизвестно.

— Может, новость выбирает, — улыбнулась Ката.

— Может... Лицо Коленко осталось серьезным... Только мне почему-то характер его не нравится. Не пожим он на рабочий класс.

— А он на самом деле шахтер?

— Да, шахтер, к тому же бригадир одной из лучших бригад на шахте Калинин. Нашим девушкам он уже хахтался.

— Независко, кто он, только бы играл, — сказала Ката.

— Это, пожалуй, правда, — согласился Коленко. — Ты на всякий случай иди в виду: мы здесь вот за горбачком — два километра, не больше.

— А какие могут быть случаи?

— Ну, мало ли что, вот оставь вас козья-стевенник без ужимки...

— А где вы живете?

— Часть в общежитии — два барака на Ефремковке, а человек десят — здесь в палатках. Не особенно удобно, но жить можно. Я думаю, договор на социалистические соревнования с вами заключить придется!

— Может быть, и так. Вы уже начали работать?

— Полным ходом... Времени знаешь, как мало!

— Знаю.

Ката разговаривала с Коленко, а сама в такт танцу все время приплясывала ногой, обутая в прочные рабочие ботинок. Вас заметил это и сказал:

— Пошли потанцуем.

Он, как заплел, заиграл баян в руках Григория Погребника! Кажется, мечтаешь, и тот бы под такую музыку бросился в пляс. Не отры-

вась смотрел баянист, как танцует комсорг. Все на свете отдай бы, только с ней вот так пройтись, но кто же играть будет?

И вдруг танцы превратились сами собой. От шоссэ к террионадам приближались две грузовые машины с людьми. Заметив их, комсомольцы забили о музыке Григория Погребняка.

— Едут! — выкрикнула Ката.
— Едут! — точно это отозвалось из толпы. Грузовики с ревом взобрались на бугорки и остановились. Из первой машины вышел высокий, широкоплечий, худой человек, лет под пятьдесят, сил шланг, обликан седую голову, и громко сказал:
— Здравствуй, товарищи комсомольцы!
— Здравствуй! — дружно и весело прозвучал ответ.

Начальник встал на буфер машины, так, чтобы все его видели, и заговорил:
— Давайте знакомиться, товарищи комсомольцы. Зовут меня Бондур Степан Викторович, я буду начальником строительства вашей Террионадской шахты. У вас, должно быть, ко мне много вопросов, так много, что за неделю не ответить. На частные будем отвечать в процессе работы, а на главные надо ответить сейчас. Вы хотя и строители комсомольской шахты, но шахту представляете слабо. Это уж наверняка. Так вот смотрите: вот вам наша шахта, такая, как вот нарисовал ее проектировщик.

Он развернул полотноще плотной бумаги. Комсомольцы подошли ближе. Может, и не был проектировщик выдающимся художником, но проект его пользовался куда большими успехом, чем иные картины. Сотни молодых заинтересованных глаз впились в рисунок. Комсомольцы еще не представляли шахт сооружений в натуре, но им нравилась схема шахты с ее подземными механизмами, эстакадой, сортировочной, бункером.

— А вот это мы должны построить, — начальник развернул второй лист, — здесь вы многое не поймете, но потом все станет ясно, когда примените и обживаете. Уголь у нас хороший, антрацит, и лежит неглубоко... Вот смотрите, темная полоска по бугорку проходит — это его выходы. За это след мы с вами и учинимся, и пойдём, пойдём в глубину, пока не доберемся до настоящего пласта. Столбы у нас будут не вертикальные, а наклонные... Теперь другой вопрос: где вы будете жить? На проекте это имеет вот такой вид, смотрите! — Он развернул еще один лист бумаги, на котором был изображен поселок, состоящий из стандартных домиков, обсаженных деревьями. — Поселок будет размещаться в балочке, около ручья. Как видите, нарисовано хорошо, но все это еще нужно построить.

Комсомольцы невольно посмотрели в сторону балочки, на которую начальник показал рукой, но там ничего не было, только вевер трепал одинокий куст жесткого степного терна.

— А сейчас где будем жить?
— Пока будете жить тоже здесь. Сегодня в балочке поставим палатки, а потом что-нибудь придумаем.

— Вот здорово! — выкрикнула Анастасия Цибулюк. — Совсем как на войне.

— Подождите, — прервал Анастасию начальник, — будет еще вам ясно; как на войне и как в глубоком окопе. Еще один вопрос: где вам питаться? Отвечая: поставим специальную палатку, привезем кухню, это будет временная столовая.

Теперь последний и самый главный вопрос: как вы, люди без всякой квалификации, будете строить такое сложное сооружение? Отвечая: вас разобьют на бригады, которым Будур руководит квалифицированные люди. Работы достанется на вышу дело много: надо закладывать фундаменты, готовить площадки, бетон растворять — одним словом, строить. Но в это же время и учиться будете. Расчет такой, чтобы через четыре месяца, с началом весны, старая бригада от вас забрать, и послать на другие шахты: слава богу, в Донбассе, кроме комсомольских шахт, еще кое-что строится. Особо вопрос стоит о молодых проходчиках. Столбы будут проходить две бригады: товарищев Миклаша Кравчука, и Владимира Макарова. Вот они стоят рядом. — Бондур показал на двух крепких парней в брезентовых спецодеждах. — А когда двух бригад будет мало, понадобятся свои бригады. Стало быть, парням придется ознакомиться с горным техникумом и поработать под землей. Вот как будет и все. Нет, еще не все. Прошу запомнить, товарищи и друзья: шахтерский труд тяжелый и почетный. Этой зимой тяжеловато вам будет. Главное — жить неудобно, и снег вот-вот выпадет. Но, я думаю, если все вместе возьмем, то и холода, и неудобства, и зиму, и угольные пласты одолеем.

— Ура-а! — закричал Григорий Погребняк и сыграл туш.

Бондур перевернул, точно от зубной боли. Он посмотрел вниз и, увидев Погребняка, зло сказал:

— Ты уже здесь очутился!
— Поднимаю музыку! комсомольский энтузиазм, — ответил Григорий.
— Значит, на шахте прогнул!
— Нет, я в третью смену работаю.
— Ладно, — махнул рукой Бондур. — Надоели ты уже нам со своей музыкой. Значит, товарищи, я думаю так: митинг отключать сейчас

не будем, а возьмемся устраивать: день короткий, а завтра к работе приступать.

Приехавший вместе с Бондуром начальник коммунально-жилищного управления поднялся на подможку машины и высоко сказал: «Кровати, кровати, одеяла и простыни привезем лишь через три дня. Пока что есть только корок матрацев и подушек.

Эти слова комсомольцы встретили всеобщим смехом.

— Извините, товарищи, но у смешного ничего не вижу. Если бы вам пришлось за три дня принять пятнадцать тысяч человек, то появление этих палаток, матрацев и подушек вам показало бы чудом.

Комсомольцы рассмеялись еще громче. Они не рассчитывали ни на кровати, ни на подушки и готовы были перане дня жить даже под открытым небом. А тут какая-то роскошь, мягкие подушки и матрацы...

— Не смеяться, не смеяться, ребята, — говорил Степан Викторович Бондур, наблюдая за тем, как Андрей Перекат ловко ставил палатку. — На этом энтузиазме можно неделю, ну, даже самое большое работать, а дальше необходимы хороший отдых и плотная еда.

— Святая правда, — ответил Арсен Загорный, привязывая веревку к зобитому в землю колышку. — Эх, не мешало бы покушать!

— Рано или поздно, а столовая сегодня откроется, — пообещал Бондур. — А какое место под поселок отдам! — ну, просто курорт, мент! Бугорочек, ручеек течет, деревья можно посадить, название только надо придумать. Ката, как по-вашему?

— Название готово, Степан Викторович.

— Какое!

— Ясно, какое! Террионад! — выкрикнул Иван Дуленченко.

— Правильно! — поддержала его Ката.

— Пусть будет так, — согласился начальник, — название хорошее. И, как вы говорите, комсомольцы из Террионадской и терн вот на березку растут.

...Шестнадцать больших палаток вытнувшись в одну линию. Серые и урюжие в свете осеннего предвечерья, они все же радовали комсомольцев: теперь под дождем можно не прядется.

Не известно зачем большая грузовая машина привезла целую кучу дров и угля.

— Дня через три и печки обещали дать, — смеясь, сообщил Погребняк.

— Ничего, ничего, и без печки найдем что делать, — ответил Перекат.

Приближалась ночь, но про ужин никто из комсомольцев не вспоминал, хотя голод уже давал о себе знать.

— Четко его знает, что отдаст рабочего снабжения! — сокровенно качал головой Бондур. — Вот так всегда подводит.

— Ката, — словно открывая какие-то большие секреты, отдал комсорга в сторону Дуленченко. Я думаю, что нерезультативное питание может отрицательно сказаться на наших организмах. Давай сделаем так: деньги у каждого есть, пусть все соберут по десятку, у начальника попросим машину, съездим в Шехтерск, купим килограмма сто пшеницы, кобас да сосиски, да хлеба, и пекать нам тогда на все эти столовые. Крыша над головой есть, еда будет, чего еще надо? Не в пустыне живем!

— Честное слово, Иван, ты золотой! — хлопнула его по плечу Ката. — В самом деле, зачем нам обязательно столовой дожидаться?

— Когда стрелки часов приблизились к цифре одиннадцать, посредине Террионады запыла большой костер. Языки пламени, дымные и локнятые, рвались в низкое осеннее небо.

Подул свежий ветер. Ката засмеяла палатку, вышла на бугорок, туда, где стоял колышек с кусочком фанеры, и остановилась как зачарованная. В стене, словно перекинулись друг с другом, то вскрикнув, то угасая десятком огромных костров. Около них копнились люди, а ветер доносил песню: «Мы дети тех, кто выстулал...» С другого конца степь отвечала еле слышным напевом: «Эizou цинтуть жюшаны...» Визжал, в Террионады, хлопцы запели песню об одинокой гармонии.

Комсомольская армия отдыхала в Донецкой степи перед большим боем.

Сокращенный перевод с украинского А. ДОЦЕНКО.

В С Т Я Н А Ш А Ж И З Н Ъ Е С Т Ъ В З Я Т И Е В Ы С Т

Молодость

Родина!
От края и до края
Распелася гул твоих работ!
В этом гуле, время обрונה,
Молодость народа трудовая
К следу нашей партии идет.
В семилетие
Твердыми шагами
С партии идет —
Плечо к плечу.
И пылают зорями над нами
Огненное Ленинское знамя —
Стремим жизнь свою
По Ильичу.

Николай АГЕЕВ

И вот строитель-верхолаз
Уже монтирует каркас...
Дни вкряк пронеслись...
И той
Мы овладели высотой.

...И Украина и Алтай
Растят высокий урожай.
Студенты думают о том,
Как лучше защитить диплом.

Над нами покоряют высь
И сплужки, и пилот...
Куда ни глянь,
Вся наша жизнь
Есть взятые высот.

Юрий МЕЛЬНИКОВ

И мы горды,
что первым на планете
Дано нам
этот подвиг совершить!
Евгений КОРШУНОВ

Ленинскому комсомолу

На подвиг готовый, как Зоя,
Отважный в борьбе, как Олег,
Ты, искореняешь с военной грозой,
Прославляя себя навек.
Ты сплужил
Свободной Отчизне,
Трудом украсившь страну,
Ты поднял для новых жизней
Вчерашнюю целину.
Все пламенной год от года
Сердца у твоих орлят...
Ты — будущее народа,
Ты — партия младший брат!

Яков СЕРГИН

Высоты

Я помню орудиный швал,
Нюхую темяту,
Как покомандовал приказал
Взять штурмом высоту.

Она виднелась за рекой,
В ста метрах от леса.
Взять высоту не так легко,
Хотя она близка.

Как извержение,
не раз
Она огнем встречала нас,
Но мы ползли сквозь темяту —
И с боем взяли высоту.

Я вспоминаю,
как потом,
По окончании войны,
Прораб сказал:
— Ребята, дом
Теперь построят мы должны.

Мы строим коммунизм

Мы строим коммунизм,
А строить мы умеем!
Победы — каждый час!
Немеряющие

Ленни идеи
Зовут вперед и открывают нас.
Все молодость сердец.
Не знающих сомнений,
Всю силу наших рук
И мысли остроту
Мы отдаем великому стремлению —
Осуществить заветную мечту.
Мы строим коммунизм!
И в тысячах столетий
Наш подвиг будет неизменно жить.

Трудовые руки

Когда я вижу руки наших сверстниц,
Прославивших яванских тачинок,
И руки корейского, что на шестки
Из Руставели вышивают стик;
Когда я вижу руки садоводов,
Несущие плодовые дары,
И руки оросителей, что воду
В неслики направляют к Аму-Дарью;
Когда я вижу сталеваоров светлых
И вижу сталь, которой нет предела,
Которая является порокую
Могущества и копра на земле, —
Я всеваю золотые руки
И эти пальцы трудовых людей,
Я слышу, точно пальцы скрипячей,
Рождающихся неслышаем звуки!

Осип КОЛЬЧЕВ

Карта родной земли... Очертания ее знакомы тебе с первых школьных лет. Она вписана над партами, и учитель с узанной в руках раскрывал перед тобой богатства страны, хозяином которой ты готовился стать.

В старших классах ты взглянул на карту уже другими глазами. Она стала для тебя романтичнее, летопище великих открытий землерокодецев, путешественников, нанесших на карту точные очертания островов, рек, горных хребтов. Заинтересованным ты, может быть, с грустью думал о том, что на ней уже не осталось «белых пятен»...

Но справедливо сказано: в жизни всегда есть место для подвига! Ведь та же географическая карта — не только летопись трудовая героини. Много смелости, требованй географические открытия, но еще больше знаний и мужества потребовало создание географических карт, электростанций, железных дорог... Огромную силу воли проявили свыше ста лет тому назад капитан Невельской и его сподвижники, нанесшие на карту амурское устье, но еще применительно подвиг их потомков — молодых добровольцев, которые воздвигли Комсомольск-на-Амуре.

В этом номере ты найдешь карту ново-строеной семилетки. Велики масштабы и размах предстоящих работ! Советскими людьми как бы заново предстоит открыть богатства многих районов. Соединять и менины новые связи земных сокровищ, чтобы сдаться человеку, жизнь на советской земле еще ярче, полнее и счастливее. И перед нами, кто молот, открываются несказанно широкие просторы для творческой инициативы, для подвига.

Взгляни на эту карту, товарищ!

ВЕЛИКИЙ ПЛАН ЗОВЕТ НА ТРУД, НА ПОДВИГ!

Все, что обозначено на карте, будет приобладено советским народом и тому, что создано им за четыре предшествующих десятилетия. Это намного усилит мощь наших капитальных вложений в 1955-1965 годы, будет почти равным общему капитальным вложениям в народное хозяйство за все годы существования Советской власти.

Ни одна экономическая карта в мире не обозначает так стремительно, как

карта нашей Советской страны. Но даже эта стремительно обновляющаяся карта не в состоянии отразить все величие намеченных работ. В самом деле, как учесть даже на самой большой и подробной карте, например, бесчисленные объекты жилищного строительства? Даже самая подробная карта не раскрывает всего о перспективных переменах, которые осуществят советские люди в сельском хозяйстве, обивавшись изобилия сельскохозяйственных продуктов. Взять, например, такую отрасль, как зерновое хозяйство. К концу семилетия ежегодный сбор зерна достигнет 10-11 миллиардов пудов. Для энтузиастов сельскохозяйственного производства повышение урожайности в среднем на 3-4 центнера с гектара — конкретная цель, достижение которой потребует освоения и трудной самоотверженности.

Грандиозная программа строительства коммунизма открывает огромный простор для роста творческой инициативы и самостоятельности юношей и девушек... сказано в тезисах доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Молодым нашей страны предстоит еще энергичнее ввязаться за освоение природных богатств Сибири, Севера, Дальнего Востока и Казахстана. Она будет еще активнее участвовать в промышленной и культурно-бытовом строительстве, шефство над важнейшими стройками, жилищным и коммунальным хозяйствами общественной и политической жизни, науки, искусства.

45 тысяч бойцов наших вооруженных сил предстоит совершить подвиги на нашей стране, строящей коммунизм, всегда найдется место для героического подвига!

(Карту строит семилетка см. на вклейке между 13-й и 13-й страницами.)

На берегу Западной Двины, под Полоцком, вырос поселок, в котором живут первые строители Нефтеграда.

ОНИ СТРОЯТ ХОРОШИЙ ГОРОДОК

Жил парень в одном из белорусских городов, Оночния десятилетку. Пришел в район ВЛКСМ.

— Хочу по комсомольской путевке поехать в Сибирь, куда-нибудь на строительство.

— А почему бы вам не остаться работать в Белоруссии?

— Нет,— отвечает парень.— Я хочу на какую-нибудь грандиозную стройку...

— А мы вам и предлагаем грандиозную. В Полоцке начинается сооружение нефтеперерабатывающего комбината, одного из самых крупных в стране.

Подумал парень и согласился. Так пришел в старинный белорусский город Полоцк бывший десятиклассник Дима Поведенко. Сотни юношей и девушек с районскими путевками прибыли, как и он, на строительство нефтеперерабатывающего завода. Белорусский комсомолец взял шефство над этой стройкой. Ведь Полоцкий завод будет играть большую роль в народном хозяйстве республики, он явится детством новой семиметри, которую называют семиметровой димини.

Диму Поведенку назначили в лучшую бригаду Нефтьстрой, которую командует Галя Сергуш. Именно эта бригада первой выключилась в соревнование за звание бригады коммунистического труда. Многие научились Диму в строю новоселов Галя Сергуш.

Молодые штукатуры Галя Германтова, Леонид Юношиков, Катя Николаина, Рая Батенько работают дружно, по принципу «Друж за всех и все за одного». Это значит: если ты выполнил задание, то не устранивай «антракт», а помогай товарищу. Бригада Сергуш первой освоила шпатель—самый прогрессивный—метод сухой штукатурки, и не было еще случая, чтобы кто-нибудь не выполнил дневного задания.

После рабочего дня штукатуры направляются в красный уголок, садятся за книги. Дима Поведенко хочет стать инженером, чтобы остаться работать на нефтеперерабатывающем заводе. Галя Германтова и Рая Батенько готовятся и поступлению в медицинский институт. Катя Николаина намерена прежде всего окончить десятилетку. В рабочем поселке еще не проведена шпатель, и Катя ходит за шесть километров в Боровуху. Трудно девушке, но она, как и все энтузиасты будущего Нефтеграда, настойчива и упорна на пути к цели.

Медленно с работой бригады Сергуш ознакомились члены бюро Полоцкого горкома партии. Бюро одобрило чинное назначение молодых штукатуров. Вся область узнала об их обращении: «...Буде достойны высшего звания первой бригады коммунистического труда на ударной стройке республики». Под обрачением стояли подписи Дима Поведенки и его товарищей.

Строительству в разгаре. События январские морозы, продолжат прибывать в рабочий поселок автомашины с добровольцами. Юношей и девушек онкодают угнетенные обитатели в домах, которые строят бригады Галины Сергуш.

Фото и текст Ф. Короткевича.

Прибыли добровольцы...

Комсомольская «бесплотинка»

Далеко от крупных городов и морских портов, в глубине Камчатского полуострова, среди сопек, одетых в густые лиственные леса, затерялся высокогорный поселок Эссо—центр Бактринского района. Задумчиво сюда сегодня—и вам не без гордости покажут бесплотинную электростанцию на реке Уксусане. Ее построили комсомолы поселка Эссо.

Как это было? Весной позарпозного года Алексей Клейменов, секретарь райкома комсомола, собрался на охоту

в тайгу. Наступил уже вечер, и в комнате становилось темно. Алексей щелкнул выключателем, но лампочка не зажглась. «Неужели до сих пор не починили движок?» Без конца заседаете, а со светом до сих пор ничего толкового придумать не можете!..

Алексей тяжело вздохнул: что тут возвращать? Он взглянул было за вешевой мешок, но уйти на

охоту так и не удалось. В дверях появился Саша Краковсич—радиоэлектрик конторы связи.

— Вот взгляни, любопытную статежку нашел,—улыбнулся он и протянул журнал.

Давно ушел дым Краковсич, давно ушел двуухлестный сыншишка Вовка, давно жена конила провирать ученические тетради и легла спать, а Клейменов все сидел за столом, рассматривая проект малельной бесплотинной гидроэлектростанции, разработанный московским инженером М. И. Логвиным. Проект этот, казалось, специально предназначен для их камчатского поселка с двумя стремительными горными речками... Успула Алексей только под утро, и силосило ему Эссо, залитое светом.

В поведельник утром Клеймен-

нов уже был в райисполкоме. Здесь ему пришлось принять первый «соломенный» душ. Кто-кто отнесся к предложению начать стройку бесплотинной электростанции весьма скептически:

— Мало ли что печатают... Лучше делами заниматься.

Алексей вспыхнул. На языке уже вертелся обвинения в косности и бюрократизме, но прозвонил их так и не пришлось: член бюро райкома партии Дмитрий Иванович Батаев взял Алексея за локоть, отвел в сторону и сказал:

— Собирай ребят, и решайте вопрос сами. Нужно будет—поможем.

В тот же день собрался комсомольский актив. Клейменов рассказал о проекте бесплотинной электростанции. Ребята слушали,

Чем хороши метод сухой шпунтурной? Один лист — на полстены.

Слова сдержали! Секретарь Полоцкого горкома КПСС С. Г. Семенов поздравляет Галия Сергуна и ее товарищей: им присвоено звание бригады коммунистического труда.

заван дымчине. Когда секретарь ныкнул, зал загудел.

— Сделаем «бесплотнику» своими руками, — предложил Кракосевич. — Ведь ставкой строить нам тоже никто не помогал, а справились!

— Правильно! — поддержал Криковсевич.

Решение о постройке бесплотников ГЭС было принято. После бурных прений выбрали живописное место на каменистом берегу Уссурия. Работа пошла дружно. Как только кончился трудовой день, Клейменова с комсомольцами отправлялась в лес заготавливать свай, строила для каркаса будущей ГЭС.

Но скоро закупаемым стало ясно, что одним со стройкой не справиться. Многие детали можно было изготовить лишь в завод-

ских условиях. Тогда послали письмо комсомольцам областного города Петропавловска. Молодые рабочие Петропавловска горячо откликнулись на просьбу о помощи. И скоро в Эссо прибыли нужные детали. «Дорогие товарищи!» — писали комсомольцы своим друзьям. — Мы обрадованы вашим стремлением построить электростанцию. Зажечь в глубине нашей любимой Камчатки лампочку Ильича — это замечательно!

Заказанные вами детали изготовили в нерабочее время лучшие комсомольцы-производители нашей Тамара Курнивич, Николай Сквоз, Тоня Кочелавская, Александр Мыльцев и многие другие.

Помощь друзей окрыляла бастринских комсомольцев. Сборка «бесплотники» шла теперь без задержек. Часами по пояс в холод-

ной воде работали Алексей Клейменов, Александр Кракосевич, десятиклассники Николай Шестернин, Алексей Калес, Геннадий Роговляков. К осени «бесплотник» была готова.

И вот день торжественного пуска. Свет загорелся и... стал мигать. Велико было огорчение молодых строителей.

Но комсомольцы не опустили руки. Секретарь райкома партии Я. С. Закириный одобрил решение Клейменова написать письмо изобретателю «бесплотника». В работе над чертежами, в поисках причин неудачи прошла суровая камчатская зима. Наконец засиял весенний день. С первым же самолетом прилетел из Москвы Михаил Иванович Логин, которого пригласил Петропавловский обком КПСС.

Инженер сразу же «заметил просчеты, и на «бесплотнике» снова застучали топоры и молотки. На проинвентарном, холодном ветру трудялись пожилой московский инженер и быстрые комсомольцы. К ним все больше и больше присоединялось добровольных помощников, которые раньше заглядывали на стройку просто из любопытства.

Наконец настал радостный день. Задвигались лопасти. Электростанция дала ровный, немигающий свет.

Так была создана комсомольская «бесплотника». Комсомольцы после Эссо загляли в глубине далекой Камчатки лампочку Ильича.

И. БЕЛЕНКИН
пос. Эссо,
Камчатская область.

Еще один дом заночен. Бригада Галия Сергуна переходит на другой объект.

ДЕТСТВО

Ваня Любич с трудом поднялся в машину бурной доменной цеха, когда ее ремонтировали. О самой же домне, куда опытные верхолазы взбирались чуть ли не за четыре минуты, и говорить не приходило. Завоевал Ваня ураדות на первую площадку наклонного моста, в крайнем случае на вторую, на треть высоты, оглядываясь — и марш тихонечко назад, чтобы вернуться на платформу.

— Не могу я больше, Иван Григорич! — с отчаянием в голосе сказал однажды Ваня. — Душа у меня не такая... Не видите, бурдо. Ты, Ванюшко, не клянитесь, душа, она прыгнет, а вот ноги распухнут, верхолазу не полагается, убеждает ученика старший рабочий, хотя у него начала задыхаться бошья за ларья. Правда, он все еще надевался, что выветит из Ваня этот страх, и в сотый раз вел молодого верхолаза за собой, приговаривая: — Ты гляди лучше, как я... Лезь с редьком, не торопись, но на землю не лужи до поры до времени... Зато, когда флажок красный закричит на трубе, врасплох глядишь, можешь кругом и трусости всякою с тебя как рукой снимет.

— Не сминет,— выдохл Ваня, следуя с дрожью в сердце за Марфутыным навстречу небу и ветру. Как еще симнет-то,— продолжал Иван Григорьевич, когда они забирались наконец на третью площадку, приблизительно на высоту оного сороба метр, двестишестидесяти сантиметров, но ему не год подняться.— Вот, видишь? Теперь можешь и глупости на землю. Видишь, какими маленькими кажется отсюда людишки! А мы с тобой орлы! Понимашь, орлы!

Марфуты свободно обложившись на край перил и, шуря от ветра глаза, до чего любовался панорамой металлургического комбината, города Сталнска, показывая Ване, как много можно увидеть, если душа у человека сильная. — Тебе доводилось наблюдать, как муравьишки по деревьям к свету пробираются? — продолжал Марфуты. — Водогону друг за дружкой, кто смелый и прозорлив. Понимашь, выходит, топик в высоту...

Ваня Любич слушал, поглядывая с олавской виной на крохотные фигурки людей, на воробьиный створенный, на клавишное падающее, на смешливые паровозики, тнувшиеся ковши и вагоны. Ему было и страшно и в то же время любопытно. А хитрый Иван Григорьевич между тем не унимался. — Ну, так как же? — спрашивал он. — Обдумал, почему мурашки не трусышки?

— Что-то никак не смею. — Поют, когда лезут. Понимашь, поют! — Поют? — удивился Ваня. — Вот же оказия!

— А ты тоже пой. Сиди страшно, пох. Изю всей силы пой! Ваня пытался поть, но... и стал все больше задумываться над тем, продолжать ему работать верхолазом или перебраться в какой-нибудь другой цех, пуская даже на ремонт дома в барьков, где куда безопаснее, проще, а главное, без нахмешья. «Нет, видно, не прыгну», — сказала себе Ваня с горьким и слуха несильно, когда Иван Григорьевич снова потянул его в злую фе-

ральский буран на ремонт вагонов и дома, ларья сперва «приворнула», а потом и совсем исчез с монтажного участка.

«Много раз цеховая табличка висела на Ване Любиче и обещенные и не заставала его дома. Ходил туда неоднократно и сам Иван Григорьевич с другими своими подручными и тоже не заставлял Ваню. Правда, Марфутына все чаще терзали сомнения: не напрасно ли он тянет ларья в верхолазы. «Может, натура у него не та», — думал он, — возможно, и раньше, но только до души. Кругом видит он на комбинате механизацию, а у верхолазов с этим слабовато. В самом деле, нужно бы пососрабать от постоянных ясах, о специальных механизмах, с помощью которых можно было бы устанавливать эти леса на высоте. Быстрее пошла бы работа, да и возники не так бы страшнылись...»

Со смелыми раздумьями и предложениями Иван Григорьевич пошел к заместителю главного механика Рыбоничеву, предложив установить вальничку котельного цеха, вместе с которм он начинали «верхолазинать» еще в тридцать первом году на стройке домны, будучи комсомольцами. У Рыбоничева он астав и главного технолога по монтажам Лымаря, бок о бок с которым также трудился когда-то в доменном цехе. «Давно не виделись, Иван Григорьевич Павлович Лымарь! Вот уже двадцать с лишним лет, как ялился обих ног на том же доменном, мог бы выйти на пенсию, но отди-кай не знаю что сказать, изобретает, всегда в цехах, на ремонтках с людьми, там, где трудно и нужны его подсказки и толковый совет. Успевает Николай Павлович еще заниматься и со студентами-дипломниками, будущими механиками-верхолазами, ведет пропагандистскую работу, консультирует рационализаторов...»

— Вот хороша, что вы оба тут! — обрадовался Марфуты. — Не пора ли, друзья, о механизации верхолазных работ подумать?

— Уже делается, — сказал Лымарь и развернул эскизный набросок новой системы ремонта дымовых труб, а также труб с помощью монтажного ползучего крана-деррика.

После внедрения новой механизации молодежь гораздо охотнее стала выполнять монтажные работы. Вернулся и Любич на участок. Но Марфуты не мог простить ему недавнее дезертирство. Чувствовал это Ваня и переживал.

Однажды рано утром, когда нависла угроза задержки монтажа очень важного крана в доменном цехе, Ваня Любич, работавший в это время на монтажных работах, явился к Марфутыну.

— Пошлите меня наверх, Иван Григорьевич! Ваня просьба Иван несколько не унимал старого верхолаза. На его памяти было немало случаев, когда трусышки вначале ученики, но потом все же работали по той же высоте, как и сам Ваня.

— Пошлите, говоришь? — переспросил он. — Нет, не могу. Пошлите, почему же? — исторически Ваня Любич — исторически — Душонка слабовата. Сам же говоришь... Или забыл опять!

Ваня Любич стоял, хмуро поглядывая на позорившего Ивана Григорьевича. Тот молчал. Наконец Ваня не выдержал, сердито выпалил:

— А еще коммунист! Воспитатель!

— Верхолаз — это, брат, все одно, что штурмовик во всякую погоду!.. А ты просто трусышка! — злобно бросил Иван Григорьевич и, поспешившись, быстро зашагал к доменному цеху.

— Все одно полезу! — крикнул ему вдогонку Ваня Любич.

На дворе крутила жгучая поземка. Навстречу Марфутыну ровной высоте, это означало буря.

Но ведь кран не может переждать непогоды! Он дозареку нужен и коммешникам и всем металлургам.

Уже собралась монтажная, следя, электрики. Не было пока толком чельных-плотников. Один Иван Григорьевич, но, не мог возвести леса для монтажа крана.

И вот в решающие минуты заглянул Ваня Любич со своим товарищем по учебе ФЗО.

— Ты куда это, трусышка? — оглядел его наשמившо Иван Григорьевич. — Олять душонка ослабевает, в трудную минуту сбегает!

— Нет уж, не ослабев больше, Иван Григорьевич! — сказал Ваня и лихо пошел навстречу ветру. — Идите же, плотики-верхолазы, подгоняю своего товарища-нозбача. — Мурашину историю не забыл! Пять буду!.. Пе-е-ты! — крикнул он с высоты, что было душно.

***

«Все, о чем мы рассказали, произошло несколько лет назад. С тех пор многое изменилось в жизни Вани Любича, Иван Григорьевич все плотики-верхолазы. По-прежнему их работа требует смелости, ловкости, сноровки, но никто из них уже не таскает на себе доску для подсчета. Выросла партийная и комсомольская организация котельного цеха. Коммунисты теперь пятьдесят пять, комсомольцев — тридцать два — явное больше, чем раньше. Но тогда, в тридцать четверть века минуло с той поры), когда секретаря в комсомоле Иван Марфутын.

В тридцать четверть, беспартийные, котельщики и доменная — все встали сейчас на трудовую вахту в честь XXI съезда КПСС. С участка на участок летят вести о новых достижениях металлургов и верхолазов, о скоростных монтажах, о десятках передовиков, авших их опыт выполнения повышенных обязательств, об успехах молодежных бригад, решивших жить и трудиться по коммунистически.

На дворе бушует буря, крутит жгучая поземка. А враный флажок, закрепленный Ваня Любичем, вьется и вьется над крайней мартовской трубой. Не буря, ни снегпад — ничто не собьет его оттуда!

И. ЧИРКОВ
г. Сталинск,
Котельный металлургический комбинат.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Фото Г. Ворикова.

НЕРУШИМЫЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ...

С Рудольфом Шебалдовым мы познакомилась в кабинете начальника цеха. Высокий, стройный юноша в рабочем комбинезоне стоял перед нами. Его лицо с красивым широким лбом показало мне знакомый. Где я видел этого парня?

На Подшипниковом заводе мне доводилось бывать довольно-таки часто. В двадцатый же цех мелких серий, где трудится бригада Шебалдова, зашел впервые. По-видимому, встретился на каком-нибудь официальном собрании или заседании комитета комсомола.

Рудольф чем-то взволнован, но говорит не спеша, словно отыскивая самые нужные и важные слова.

— Цех — как улей,— обращается он к секретарю комитета комсомола Сергею Сафронову,— с самого утра только и разговоров о новом почине...

— И что же вы решили?

— После смены думаем провести собрание. Работа вот уже и обязательства составили.

Он достает из кармана листок, исписанный крупным, размашистым почерком, и кладет его на стол.

— Вот, так сказать, наша программа-минимум. А там видно будет.

Мы с Рудольфом внимательно изучаем эту программу, которая, судя по намятым пятнам и отпечаткам пальцев, писалась на каком-нибудь станке и уже побывала не в одних руках.

Работа смены приближается к концу. Один за другим входят в комнату члены бригады, привыкшие с собой стулья из соседних кабинетов. Девушки, вчерашние выпускницы средних и семилетних школ, садятся к столу. Младички и слесари, насыпх дозуирова пальросы, устраниваются поближе к дверям. В комнате сразу становится шумно, продолжается какой-то неоконченный спор.

— А я настаиваю! — выделяется звонкий, девичий голос.— Надо так и записать: с завтрашнего дня ребята бросят курить и ни в коем случае не являться небритыми...

— И не красить губы,— вставляет кто-то из младичков, и весь мужской фланг отвечает громким взрывом смеха.

Комсорг Нина Дудко просит всех усаживаться.

— Президиум избирать не будем! — спрашивает она.

Нет! — дружно отвечают ребята.

— Тогда слово предоставляется Рудольфу Шебалдову.

В комнате становится тихо, и только снизу, из цеха, доносится гул станков.

— Мне, собственно,— говорит Рудольф,— придется повторить то, что было высказано сегодня членами нашей бригады. Мнение у нас единое: с завтрашнего дня, следуя примеру комсомольцев депо Москва-Сортировочная, включиться в соревнование в честь XXI съезда КПСС и добиться звания бригады коммунистического труда. Обязательства предлагаются взять следующие: выполнить годовой план по всем показателям к 15 декабря; добиться снижения себестоимости и продукции на 1,5 процента; всем ежедневно выполнять сменные задания за семь часов; выпускать продукцию только отличного качества и с 1 февраля 1959 года

перейти к работе без контролеров; каждому рабочему освоить не менее двух сменных технологических операций и в течение года внести не менее одного рационализаторского предложения; всем рабочим бригады в течение трех-четырех лет получить без отрыва от производства общее среднее или среднетехническое образование.

— А не слишком ли рано отказываться от контролеров? — замечает Сафронов.

— Мне кажется, нет. Люди у нас, как говорится, золотые, ну, и совесть есть...

Рудольф улыбается, и я сразу припомню, где впервые увидел этого парня. Это было на торжественном заседании, посвященном 40-летию комсомола, на котором бригада Шебалдова как победительница соревнований среди комсомольско-молодежных бригад был вручен на вечное хранение юбилейный вымпел. Он тогда вот так же улыбался, не спеша спускаясь со сцены.

— А что скажут члены бригады? — спрашивает Сафронов.

Первым поднимается младичка Саша Китаев.

— Я считаю,— говорит он,— дело это большое и нужное. Я вот прочитал тезисы доклада Никиты Сергеевича Хрущева и подумал: а ведь до коммунизма осталось рукой подать. Значит, нам пора уже серьезно подумать о том, чтобы не только хорошо шифовать подшипники, но и сами себя. Да как следует — с песочником, с наждачком, чтобы ни одной зазоринки не осталось. В коммунизме надо ходить с хорошо отшлифованным сердцем и душой.

— Правильно! — раздаются голоса.

Ребята и девушки один за другим встают со своих мест и говорят взволнованно, горчико.

— Надо, чтоб все мы помогали друг другу! — говорит шлифовщица Зина Стаховская.— Вместе работать, вместе учиться, вместе отдыхать!

— В общем, союз двадцати семи! — вставляет кто-то.

— Вот именно! — обрадовалась Зина.— Нерушимый товарищеский союз и дружба.

Так и решили.

Полнорослик Степан Баратинский думал, что его опоздание пройдет незамеченным. Но гроза разразилась: Нина Дудко (вторая слева) и ее подруги уже успели выпустить «молнию».

Сегодня фланок алет над станком шлифовщицы Иды Федоровой: она выполнила сменное задание за семь часов.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Ночью выпал первый снег. Деревья и крыши домов отгнали ярким блеском, и весь город казался каким-то обновленным, праздничным. Подходя к проходной завода, Нина Дудко подумала: «Интересно, пришел уже кто-нибудь из наших?»

До начала смены оставалось еще более тридцати минут. Войдя в цех, Нина увидела: над доской показателей висел большой транспарант с надписью: «Здесь работает бригада коммунистического труда Рудольфа Шебалдова».

ДРУЖНЫМ

— Значит, успех... с облегчением вздохнула Нина и тут же спохватилась: «А может быть, рано мы себя так именуем? Ведь за это здание надо еще бороться!»

Несколько минут она стояла в нерешительности, а затем резко повернулась и пошла в раздевалку. «Валася за туж — не говори, что не дюж! Пусть сразу все почувствуют, что с сегодняшнего дня мы и жить и работать начинаем по-новому...»

В раздевалке Нина встретила девушек из своей бригады.

— Вы чего это так рано пришли сегодня?
— Решили навести в цехе домашний порядок. Чуть ни пылинки, ни соринки не было.

— Это хорошо. Тогда и я с вами.

Девчата достали ведро, кружку, вооружились вениками и отправились в цех.

— Я займусь цветами, — сказала Люда Христорова и принялась поливать фикусы.

Без пяти восемь члены бригады стояли на своих местах. Не было только поповричка Степана Баратинского.

«Ну же! и сегодня опоздает?» — подумала Нина.

Баратинский появился в дверях пятнадцать минут девятого. Стараясь не смотреть в глаза товарищам, он прошел к своему станку и, как обычно, начал работу.

— Может, не заметят? — думал он. Но по строгим взглядам девушек понял: гроза не миновать.

И гроза действительно разразилась. Нина Дудко вместе с Зоей Фадеевой, Синой Федоровой и Марией Матавевой уже успели выступить «молнией», в которой поступок Степана Баратинского подвергался осуждению. В обидный переверз Шебалдов пригласил всех на пятиминутное собрание.

Разговор был короткий, но вынужденный.

— Ты это видел? — спросила Нина Дудко, указывая на транспарант.

— Пусть он висит, намерен ли оставаться в нашей бригаде? — бросил кто-то из ребят.

Баратинский бормотал что-то невнятное про трамвай, про снег, но в заключение заверил, что опаздывать больше никогда не будет.

В этот же день состоялся еще один неприятный разговор. Нина Дудко и Вера Круглякова заметили, что Рудольф Максимов пришел небритый. Девушки подошли к парню в столовой и как бы между прочим заметили:

— А без бороды тебе лучше идет.

Максимов покраснел, но ничего не ответил.

После обеда рабочие бригады все чаще и чаще стали поглядывать на часы. Смена приближалась к концу, и всем не терпелось узнать, кто же первым выполнит сменное задание.

Каждому хотелось получить красный флажок, который решили вручать победителю ежедневно.

Героем дня оказался оператор Владимир

Пронин. Сменное задание он выполнил менее чем за семь часов, и над его станком завел маленький флажок. Но Владимир ненадолго обогнал своих товарищей: в этот день все в бригаде задумало выполнить за семь часов.

Это была их первая победа.

ДРУЗЬЯ ИДУТ ПО ГОРОДУ

В субботу утром профгруппа Лиды Санининой вывесила объявление: «Сегодня состоится мультитход в клуб ГПЗ на кинофильм «Олеко Дудич». Около девушки собрались почти все рабочие бригады.

— А какие планы на воскресенье? — спросила Мария Матавева.

— Есть предложение отправиться завтра в музей имени Радищева. А потом можно пойти в кино или в театр. Договорились!

На другой день утром заводской автобус мчал их по широкому асфальтовому шоссе в центр города. Сквозь облака дымов она пробилась яркое утреннее солнце. Всюду слышались шутки, смех.

Тамара Курязина с увлечением рассказывала своим близким однокурсницам Лиде Санининой и Жане Кочетовой о недавнем разговоре со шлофовщицей из второй смены Валей Волосковой.

— Подходит она ко мне и спрашивает: «Ну как, комбриговка, сколько сегодня выработала? А у меня, понимаете, всю смену станком барахлил, еле-еле норму вытнула. Сказать правду, думаю... — на смех поднимет, всю бригаду подведу. Ну и пришлось...»

— Наверал!

Тамара присела звонким, раскатистым смехом и кивнула головой.

— Но зато верна, — продолжила она, — и жалела на все педали — две с половиной нормы выполнила. Ждала, ждала, когда Волоска опять подойдет, хотелось ей нас утешить, а она так и не подошла... Просто досадно, честное слово...»

Автобус с ходу резко затормозил, и кто-то громко крикнул:

— Слезай, приваляй!

В музее, несмотря на ранний час, было уже много посетителей: отныне выставка работ сератовских художников, и все любители живописи с утра уже были здесь. Научный сотрудник музея Инна Александровна Фомина подробно рассказала об истории музея, познакомила с новыми произведениями местных художников, с шедеврами мастеров прошлого.

Более трех часов молодые рабочие пробыли в музее и даже не заметили, как пролетело время. А затем всей бригадой, взявшись за руки, ходили по улицам города, побывали в книжном магазине, фотографировались.

Уже перед вечером, когда гурьбой пододвинули к театру, стоявшая у kiosка пожилая женщина вдруг спросила:

— Свядбу, что ли, справляете, али так?

Рудольф не выдержал и рассмеялся:
— День рождения, бабушка. Коллективный день рождения!

ВАЛЯ ЗЕМЛЯКОВ ПРЕДЛАГАЕТ

Как-то в начале смены к Рудольфу Шебалдову подошла шлофовщица Вера Круглякова и сказала, что ее подружка Зина Стасова заболела.

— Вотزم мы не справимся, — заявила Валя, — кто же плачет? А из-за нас вся бригада не выполнит задание.

Положение действительно складывалось тревожное. Валя и ее подружки занимались шлофовкой внутренних отверстий у колец. Операция эта — одна из сложнейших, и в бригаде, кроме четырех девушек и наладчиков, никто не владел ею. Сменное задание было под угрозой срыва.

Рудольф несколько минут стоял в раздумьи, а затем направился к станкам. Отсыкая слесари Вадима Землякова, он объяснил ему, какое создалось положение, и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Что делать?

— Очень просто. — Земляков достал из кармана ключи, отвертки, и, вытерев о тряпку руки, сказал: «Станки в моей группе работают безотказно, так что я до конца смены могу заменить Стасову.»

— Я позтому к тебе и пришел, — улыбнулся Рудольф. — А то ведь, сам понимаешь, оскандалила на весь завод...»

— Все будет в порядке. Не зря же мы поселились лозунг «Один за всех, и все за одного!»

А когда были поведены итоги дня и стало известно, что сменное задание полностью выполнено, Земляков подошел к Рудольфу и сказал:

— Ты знаешь, идея есть...
— Что за идея?

— А почему бы нам не договориться с наладчиками и слесарями, чтобы каждый из них раз в неделю работал на резервных станках? В бригаде ежедневно бы выполнялась лишняя норма, а то и две. Оборудование у нас хорошее, так что одного наладчика или слесаря мы всегда можем высвободить.»

— С согласат? — спросил Рудольф.

— Вот эта работа не будет оплачиваться!

— Неважно. Да, впрочем, с оплатой мы тоже не проиграем. Мы ведь получаем в зависимости от выработки всей бригады. А раз бригада план перевыполнит — значит, и мы получим больше.

— Это ты дело говоришь. Только неизвестно, как ребята посмотрят.

— Согласатся. Подумаешь, труд большой — одну смену в неделю. Пошли, поговорим с ними.

Наладчик Саша Кобзев, Александр Китаев, Рудольф Максимов и слесарь Иван Табаров одобрили предложение Землякова и в тот же день составили график поочередной работы на резервных станках.

«Вот это и есть», — думал Рудольф, изучая новый график, — самое настоящее проявление коммунистического отношения к труду.»

ОТЧЕГО ГОРЯТ ГЛАЗА

Весть о том, что бюро обкома комсомола присвоило бригаде Шебалдова звание бригады коммунистического труда, пришла им раньше, чем открытием комсомольского собрания. Радости было много. Ребята пожимали друг другу руки, хлопали по плечам, девчата обнимались.

— Первые две недели, — заявила Нина Дудко, открывая собрание, — были нашим экзаменом. И надо сказать, что мы этот экзамен выдержали отлично. Месячный план бригада выполнила досрочно и почти полностью ликвидировала брак. А самое главное, все наши товарищи стали настойчиво учиться, помогают друг другу. Вот Рудольф Максимов и Александр Китаев поступили в заочную среднюю школу. Возобновили учебу в вечерней школе Илья Федорова и Вера Болшуннова. Тоня Демидова

После работы бригадир Р. Шебалдов (слева) и наладчик А. Кобзев занимаются в химической лаборатории заочного политехнического института.

С этого начинается у двадцати семи дружных рабочих день: «номергации» получают у бригадира наряды.

поступила на второй курс вечернего техникума. Наши десятиклассницы Тамара Курякина, Лида Санникова и Женя Кочетова готовятся к сдаче экзаменов на заочное отделение политехнического института. Заметно оживились общественная работа: возобновились занятия в стрелковой секции, драматическом и хоровом кружках. Наладник Рудольф Максимов внес первое рационализаторское предложение — приспособление для съёмки шарпирных колец, которое позволило почти в два раза увеличить выработку. Максимов и Китавя готовятся к вступлению в партию. Растет и наша комсомольская группа. Сегодня мы будем принимать в комсомол Веру Большуну, Женю Кочетову и Марию Матаеву.

Рудольф, сидевший у окна, с радостью наблюдал, как ярко светились глаза его товарищей, каким непередаваемым счастьем сияли их лица. Ему почему-то невольно припомнились дни, когда ребята провожали в далекий путь свой первый отряд добровольцев на покорение целинных земель Заволжья и Казахстана. Тогда вот так же светились глаза, так же сияли счастьем лица и какое-то огромное чувство солидарности объединяло всех в едином порыве мужества, энтузиазма, смелости. Но тогда одни уезжали в далекие необжитые степи, а другие оставались у своих станков, в потоке будничных, обыкновенных дел.

И вот сейчас эти повседневные дела вдруг озарились новым, небывалым ярким светом. Перед людьми открылся во всем своем величии завтрашний день, они по-новому взглянули на свой труд, на своих друзей и с новым невиданным энтузиазмом готовили полны на штурм последней вершины, отделяющей их от заветной цели.

А. РОМАНОВ

г. Саратов,
3-й Государственный
подшипниковый завод.

Лида Вабнова совсем недавно пришла на завод из ремесленного училища. Но девушка не отстает от товарищей и подруг: она выполняет сменное задание на 150 процентов.

ВЕЛИКИЙ ПЛАН ЗОВЕТ

Исполнение карты
И. Марголина и А. Шамаро.

Черная металлургия

Железные рудники

Цветная металлургия

НА ТРЕД, НА СДВИГ!

Новостройки семилетки

Черная металлургия. К концу семилетки металлургические заводы должны ежегодно выпустить 65—70 миллионов тонн чугуна и 86—91 миллион тонн стали. В Сибирь и Казахстан предстоит создать третью металлургическую базу страны, ввести в строй домы Карагандинского завода и Западносибирского комбината, построить Ермаковский ферросплавный завод, увеличить мощности Магнитогорского, Орско-Халиловского и Нижне-Тагильского комбинатов, завершить строительство Череповецкого завода.

Железные рудники. Предстоит освоить неисчерпаемые богатства Курской магнитной аномалии, построить новые железные рудники в Приангарье, на Украине и Урале. В конце семилетки ежегодная добыча руды должна достигнуть 150—160 миллионов тонн.

Нефть и газ. Добычу нефти надо увеличить за семилетку в два с лишним раза, газа — в 5 раз. Главными районами добычи нефти и газа станут районы между Волгой и Уралом, Узбекистан, Северный Кавказ, Украина.

Нефтепроводы и газопроводы проложат через тысячевековые пространства, доставят нефть и газ на тепловые электростанции, нефтеперерабатывающие и химические заводы. Нефть пойдет в Волго-Уральском, Северном-запад Российской Федерации, в Белоруссию. Газ Вухарского месторождения пойдет к промышленному Уралу, к столицам и крупным городам среднеазиатских республик. Газ Северного Кавказа пойдет до Ленинграда.

Нефтеперерабатывающие заводы предстоит построить в различных районах Российской Федерации, в Белоруссии.

Химическая промышленность нашей страны за семилетку вторе увеличат выпуск продукции. 140 химических заводов намечено построить заново, 120 — реконструировать.

Угольные шахты и разрезы. В 1965 году намечено довести добычу каменного угля до 600 миллионов тонн.

Гидроэлектростанции. Новые ГЭС позволят к 1965 году почти вдвое увеличить мощность нашей энергетической системы, которая даст в последний год семилетки

500—520 миллиардов киловатт-часов.

Гидроэлектростанции. В течение семи лет нужно будет завершить строительство Станинградской, Ковневской (на Днепре), Бухтарминской (на Иртыше), Боткинской (на Наре), Братской гидроэлектростанций, развить строительство Красноярской ГЭС мощностью 4 миллиарда киловатт.

Вступит в строй ряд атомных электростанций с различными типами реакторов. Единая энергетическая система в Европейской части СССР и Центральной Сибири должна связать высоковольтными линиями мощные электростанции этих районов страны. Начнется объединение энергетических систем в районах Северо-запада и Запада, Закавказья, Казахстана и Средней Азии.

Машиностроение. Новые заводы будут строиться во всех крупных экономических районах страны. Необходимо ввести в строй не менее 1300 новых автоматических линий. Продукция машиностроения и металлообработки за семилетку возрастет почти вдвое.

Железные дороги. Предстоит закончить строительство новой железнодорожной линии Абакан—Тайшет, проложить между Кустанаем и Барнаулом Среднесибирскую магистраль, построить 2,7 тысячи километров железных дорог в районах освоения лесных массивов и 8 тысяч километров вторых путей.

Электрификация железных дорог. За семилетку на элентрическую тягу намечено перевести 20 тысяч километров железных дорог.

Водные пути. Вести в действие Волго-Волжский водный путь, расширить судоремонтные базы на рках Сибирь, оснастить морской и речной флот новыми быстросходными судами, переоборудовать многие порты — это только часть больших работ по реконструкции морского и речного флота Родины.

Легкая промышленность. В 1959—1965 годах надо построить 156 новых крупных предприятий, завершить строительство 114 предприятий, начатых до 1959 года.

Пищевая промышленность. Предстоит ввести в строй 250 новых мясоперерабатывающих заводов и комбинатов, более тысячи предприятий по переработке молока, более 200 консервных заводов.

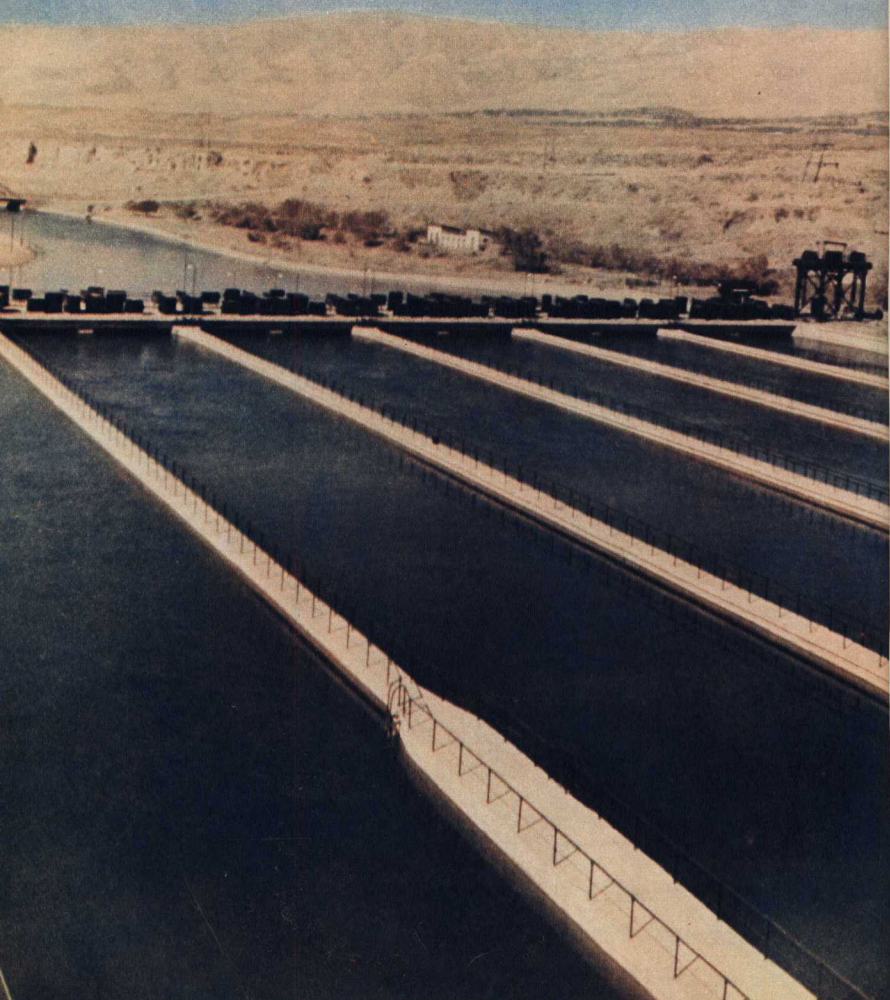

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Нефть		Нефтеперерабатывающие заводы		Тепловые электростанции		Железные дороги
Газ		Химическая промышленность		Гидроэлектростанции		Легкая промышленность
Нефтепроводы		Угольные шахты и разрезы		Единые энергетические системы		Пищевая промышленность
Газопроводы		Электрификация железных дорог		Машиностроение		Водные пути

За годы Советской власти в Узбекистане создана мощная энергетика. По выработке электроэнергии республика вышла на четвертое место среди союзных республик. Одним из крупнейших сооружений явился Чирчинский каскад, дающий энергию предприятиям Ташкента, Чирчика и других промышленных центров. На снимке: главный отстойник каскада.

Фото Л. Раскина.

то — находится художники, поэты. Достаточно ей раз объяснить о суботнике — все, как бы ни устали и как бы ни хотелось провести вечер иначе, все собирается в назначенный час и трудятся добросовестно.

— А откуда Аинса Сергеевна в Шамалды-сай пришла? — спрашивает Петька, и ему отвечают сразу несколько человек — все, кто сидит с ним за обеденным столиком:

— Из Челябинска. Преподавателем работала. А до этого секретарем райкома комсомола была.

— Тогда понятно! — говорит Петька. — Плохого человека не стали бы секретарем избирать.

И еще с одним строителем, по определению работ, тоже замечательным человеком, знакомат Петьку и Хизыра новые товарищи. Они рассказывают об инженерно-энергетике Каралте Оманове.

Он окончив в Ереване политехнический институт и получив на выбор несколько назначений. Ему предложили место научного сотрудника в Кировоградском научно-исследовательском институте и должность начальника энергосети районного центра Иджвана. Но Оманов отказался от этих удобных мест и попросил отправить его на любую новостройку, где нужны инженеры-энергетики.

— Вы комсомольцы? — внезапно спрашивает Степан новичков, и, получив утвердительный ответ, поясняет: — Значит, завтра познакомитесь с Омановым. Он замечательный секретарь комитета, к нему и победите, что бы ни учел стат. Если время будет, он вам про стройку так здорово расскажет — влюбитесь! Он здесь все знает: что было, что есть и что будет завтра.

3. ПРОСТО СЧАСТЛИВЫЕ!

После ужина Петька и Хизыр в компании новых товарищей долго бродят по городу. Степан на правах старшинола показывает построенный самими комсомольцами стадион, с трибунами и душевыми, приводит ребят в летний клуб и читальный зал, на танцевальную площадку, к помещению кинотеатра.

— Да это же просто здорово! — восхищаются Петька и Хизыр. И кино, и стадион, и клуб! Вот уж не поскулаешь...

А Степан — и сдержанный и счастливый, как хозяин, который гордится выстроенным своими руками добротным и красивым домом, — ведет новиков дальше.

Школа... Магазины... Больница... Жилые кварталы... Парк... Раньше бы не поверили, что на мертвой земле могут расти деревья. А комсомольцы высадили тоненькие акации, стройные тополя, карага, окучивали их, поливали, и деревья прижились, вытянулись, загорохотали своими нежными листьями с горным ветром.

Поздно вечером Петька и Хизыр отправляются на участок основных работ. Работе можно спокойно заслушать, не посматривая участок, где создается самое главное, ради чего пришли на выжженную землю комсомольцы, ради чего построены красивый городок Шамалды-сай. Они идут навстречу огням, напрямик, а стороны до дороги и чуствуют, как мягко проминаются ноги в глубокой пыли.

В километре от городка ребята встречают бойкий маленький

«Омик» — полубуксировый дизельный экскаватор. Хизыр легонько толкает Петьку локтем:

— Смотри, машинист-то — девчонка!

Заметив пареньков, девушка выключает мотор и легко прыгивает на землю.

— Вы кто мило?

— Да, как вам сказать, — отвечает Петька. — Мы новенькие. Пришли посмотреть...

— А я думала, сварщики, — говорит девушка. — Тут и стреле небольшая традиция... Откуда приехали?

— Из Намангана, — отвечает Петька. — А вы?

— Из Фрунзе.

Ребята узнают, что «Омик» — на подсобной работе, роет траншею для водопровода, что девушку зовут Нина Шинцова, что она окончила техникум электриков и что вместе с ней сюда приехали ее подружки Саша Коваленкова и Надя Нукоева, тоже экскаваторщицы.

У Нины широкое, загорелое и какое-то очень счастливое лицо. Она все время улыбается и встраивает белыми, выгоревшими на солнце куцаршиками. Видно, ей очень нравятся работы, участвует в городке, кирается и то, что Петька и Хизыр пришли ночью смотреть на экскаваторы.

Петька и Хизыр идут дальше. Еще показывают участки основных работ. На дне огромного котлована экскаваторы грызут стальными зубьями каменный грунт, набирают полные ковша земли и сбрасывают в кузовы мощных, двенадцати- и двадцатипятитонных самосвалов. Экскаваторы роют обводной канал, по которому должен пойти свирепый Нарын. Когда он изменит течение, старое русло перекроют плотиной, а потом пустят Нарын обратно. Но это будет уже не тот Нарын. Вода поднимается на 25—30 метров, наполнит оросительные каналы, напоит сотни гектаров хлопковых полей в Киргизии и в Узбекистане. Сила Нарына удвоятся и превратится в электрическую энергию, которую получат Фергана и весь Киргизия, химические заводы, которые пока нет, но которые скоро вырастят белизны электростанции.

Лучи прожекторов отогнали от котлована ночь. Горят огни на стрелах и корпусх экскаваторов. Вдоль дамбы дагуются яркие полосы света, отброшенные фарами автомашин... И пусть не здесь, а в городке учениками каменщиков придется работать вчерашним десятиклассникам из Намангана, пусть в глубине души завидуют они давешние-экскаваторщице; они сейчас очень рады, что приехали начинать жизнь здесь, на большой стройке, в городке, которому от рождения два года. И не просто рады: они счастливы!

...Дуют в городке Шамалды-сай ветры, сухие, горячие, резкие. Одних сшибает их сильные порывы, других сбивают с ног. Но есть люди — их большинство! — которые подставляют этим ветрам грудь и идут им навстречу. Перед таким смиряться, теряют свою силу и силу страдания ветры. Они становятся ласковыми, полными, сушат горячий пот на лицах строителей, прожывают влюбленных, мирно разговаривают с тонкими акациями, высаженными на мертвой земле.

Шамалды-сай, Киргизская ССР.

Папа Ганака (Албания), Скандерберг.

ИСКУССТВО СТРАН И СОЦИАЛИЗМА

В Москве, в Центральном выставочном зале, открылась выставка произведений изобразительного искусства двенадцати социалистических стран. На выставке представлено около 3 000 произведений живописи, скульптуры, графики и 2 40 художников.

Мастера искусства раскрывают о жизни своих народов, о гитлеровском трудовом подвиге масс и замечательных достижениях строительства социализма, в ярких образах они раскрывают облик нового человека, рожденного огнем революции и освободительных войн, в антиутопии социалистического труда. Выставка свидетельствует о многогранности талантов, об успехах революционного искусства, дает обширные возможности для ознакомления с жизнью наших зарубежных друзей, способствует углублению дружбы между народами. В этом по мере мере углубляются новые работы, представленные на выставке.

Эрэд Пауль (Гуандун), Парень из Оаша.

Лиу Ван Сини (Вьетнам).

Сельский уголок.

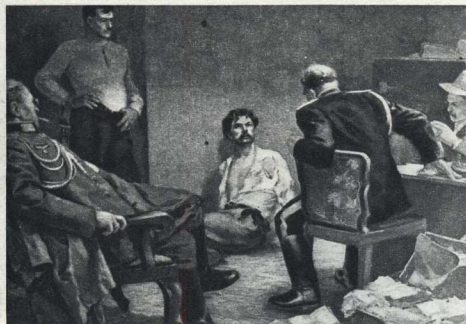

Ван Шэн-ле (Китайская Народная Республика). Восемь героинь бросаются в реку.

Домановски Эндре (Венгрия).

Вышивание флагов.

Мирчев Никола (Болгария).

Допрос.

Хеллер Берг (ГДР).

Гаврош.

Лидаичи Карел (Чехословакия). Ян Гус.
(Модель почетника в Карловом университете.)

Лаборантка Института высшей нервной деятельности Ира Васильева надевает шлем с электродами. Внимание! Включается прибор...

АВТОМАТ ПОДЧИНЯЕТСЯ МЫСЛИ...

Подевая мысленно машину, механизмы, не прибегая к каким-либо физическим действиям, — над этой проблемой трудятся многие ученые, и хотя сделаны только первые шаги, мы уже можем представить, каких высот достигнет наука в недалекое будущее.

Представьте себе: осенний день, по автодрезу мчится машина. Руки его пилотиче лежат на руле, но веки тяжелеют, незаметно подкрадывается сон. Внепрд сварг. Шофер не видит, что дорожный знак показывает объезд. Машина мчится с огромной скоростью, а шофер спит. Авария неизбежна...

Если сон — враг, с ним нужно бороться. И, оказывается, в этой борьбе может помочь сам сон. Каким образом?

Во время сна в коре головного мозга происходят определенные изменения, иначе протекает обмен веществ в нервных клетках. Эти изменения можно уловить, так как они порождают в мышцах, нервах, в головном мозгу особые электрические разряды — биотоки. Биотоки можно регистрировать. Существует специальный метод исследования мозга — электроэнцефалография. Это своего рода кинолента биотоков мозга.

Советские ученые М. Н. Ливанов и В. Н. Ананьев сконструировали прибор — электроэнцефалоскоп, который иногда называют «телевизором мозга». Он действительно наполняет телевизор. Человек, за которым мы наблюдаем, сидит в смежной комнате. На голове у него специальный шлем с множеством электродов — небольших серебряных и платиновых пластинок — с помощью которых улавливаются биотоки. Биотоки крайне слабы, их измеряют миллионными долями вольт-

та. Но мощные усилители, с которыми соединены электроды, позволяют передать их на приемное устройство «телевизора», представляющее собой экран с контурным рисунком мозга. Вот установка включается — и вы видите, как изображение оживает. То там, то тут вспыхивают звездочки. Светящиеся точки перемещаются по контуру мозга, гаснут или разгораются. Вот ритм мельканий замедляется. Ученые установили, что подобное явление соответствует состоянию дремоты у здорового человека. Человек, сидящий в соседней комнате, засыпает, и вы это обнаруживаете, а следовательно, можете предупредить его.

Английский физиолог Грей Уолтер, проводя свои опыты, подключал электроды не к «телевизору мозга», а к электрической лампочке. Биотоки усиливались, и лампочка мигала, вспыхивала и гасла в том же темпе, в каком кора головного мозга вырабатывала электрические импульсы. Мелькающая лампочка была первым прибором, действиями которого управлял мозг. Такую лампочку можно было бы использовать как сигнал тревоги.

Ну, а как быть с шофером, которого мы оставили впадающим по шоссе? Ведь он сигнала не увидит. В этом случае Уолтер предложил подключить электроды к авторомозу. Импульс, возникший в мозгу человека, поступит в особую систему, содержащую реле.

На экране, который находится перед научным сотрудником Константином Монаховым, возникает картина работы мозга.

Реле сработает, сеть замкнется, и авторомоз остановит машину.

Но авторомоз станет надежной защитой только при условии, если он будет привязан к действию строго определенным импульсами. Мы должны распознать эти импульсы, выделить их среди прочих электрических явлений, возникающих в коре головного мозга одновременно с ними. Для этой цели применяют специальные аппараты. По конструкции они довольно сложны, но назвать их понять легко. Они работают, как фильтры. Если мы просеем его через сито. Чтобы отделить большие зерна от меньших, мы поставим решетку с отверстиями требуемого размера. Фильтры, применяемые к биотокам, выделяют нужный ритм. Если к системе авторомоза подключить такой фильтр, то авторомоз остановит машину, когда в мозгу возникнут биотоки определенной ритма, то есть когда шофер заснет.

В центральной нервной системе протекают различные по сложности процессы: деятельность мозга проходит как бы на разных уровнях. Мысль как продукт мозга — это высший уровень его работы, а сон — всего лишь биологическая функция. Изучая работу мозга, ученые нашли, что некоторые сложные процессы можно уже сейчас уловить и использовать для управления машиной. В настоящее время ученые разных стран приступили к конструированию различных биотехнических приборов. Эти приборы представляют собой искусственные органы тела, работой которых управляет мозг. Так, например, уже создано искусственное легкое.

Сколько кислорода должны получить легкие, как происходит процесс дыхания? Мы никогда не задумываемся над этим вопросом. Наши легкие действуют по «программе», которую составляет для них «дыхательный центр» — группа нервных клеток в продолговатом мозгу. В соответствии с этой «программой» мы дышим глубоко и часто, иногда редко. Иначе obstant доля при операции легкого. Грубая пожелтеть вскрыта, мышцы не способны выполнять приказ дыхательного центра. При таких операциях начинают применять искусственное, механическое легкое. Каким принципом действия? В мозгу вместе с нервным импульсом возникает электрический разряд. Биотоки дыхательного центра поступают в искусственное легкое, и аппарат работает как орган человеческого тела, по «программе» дыхательного центра.

Дыхание, как и другие физиологические процессы, подчиняется командам, исходящим из головного мозга, но осуществляется обычно без участия сознания. Даже в случае обмороке мы продолжаем дышать.

Но многие другие процессы протекают иначе. Движения руки, например, в высшей степени произвольны.

Но вот с человеком случается несчастье: у него ампутировали руку. Можно ли изготовить протез, который был бы таким же совершенным, как и рука? Конечно, можно только для этого нужно определить, какие биотоки служат сигналами для ее действия.

Замечено, что еще до того, как рука совершит то или иное движение, а мышцах возникает электрические разряды, которые как бы служат толчком к их механическому сокращению. Вот здесь-то и мышца на человека передает команду, посланную мозгом. Перехватить и передать механизм. Прибор, работающий по этому принципу, был изготовлен и продемонстрирован в действии. Он представлял собой обыкновенную вертушку и специальный электросоюзитель. От вертушки шли электроды. Если электроды ухватят около локтя, а потом скажут пальцы в кулак, кружок начнет вращаться. Сжимать пальцы было не обязательно. Достаточно представить себе себе, как это делается. (Известно, что от мысли о движении в уме какого-либо движения приводит к тому, что мышцы, выполняющие это движение, напрягаются.) Выполнив движение мысленно, вы сможете изменить скорость вращения или остановить вертушку. Эта вертушка являлась лабораторной моделью нового протеза — механической руки.

Возможности механической руки огромны. Но еще большие перспективы открывает нам сама идея «механика приказа». Первую попытку в этом направлении Л. Л. Мисников предлагает перехватывать сигналы, идущие к органам речи. Если перехватить импульсы, поступающие из головного мозга в органы речи, и передать их на специальный аппарат — вокодер, то ведь будет не вы, а аппарат! Вокодер будет прочитывать вслух фразы, которые вы говорите «про себя». Если вы скажете «я люблю маму», если она выражена в словах, вокодер прочтет ее!

Автоматы, подчиняющиеся приказам-словам, уже существуют. С помощью усовершенствованного вокодера можно управлять этими автоматами, отдавая команды «за ум». Правда, такая система управления сложна. Но не надо забывать, что это лишь первые шаги. Наука идет вперед, она ищет новые, прямые и короткие пути. Авторомоз, искусственное легкое, механическая рука, аппарат, прочитывающий мысли — все эти приборы обладают одной важной особенностью в отличие от автоматов, созданных ранее на основе кибернетического мозга человека — необходимость решения вечно существующего управления. Человек как бы срастается с машиной, и это расширяет его возможности, обогащает, помогает ярче использовать его способности!

Рисунок П. Пингисовича.

Уильям ДЮБУА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖОНА

Рассказ

Автор публикуемого рассказа Уильям Дюбуа — выдающийся историк и писатель, один из основоположников негритянской литературы в Соединенных Штатах Америки. Большой популярностью пользуются его книги «Душа черного народа», «Тамная воля», роман «За сербырным руном» и другие произведения, пронизанные любовью и глубокою любовью и ненавистью к его угнетателям.

Недавно Уильяму Дюбуа исполнилось девяносто лет. Несмотря на преклонный возраст, он полон энергии и новых творческих замыслов. За свои демократические свобододолюбивые устремления писатель не раз подвергался преследованиям и себя на волебало веру в могучие силы народа. Являясь членом Всемирного Совета Мира, он решительно выступает против агрессивной политики поджигателей войны.

Карлс-стрит тянется на восток от центра Джонстауна, через большой черный мост, вниз по склону холма, затем опять вверх на холм, мимо небольших лавочной и мясного рынка, мимо одностоящих домишек, заканчиваясь неожиданно обширной зеленой поляной. На западной стороне этой поляны возвышаются два огромных строения — это Институт Уалласа для негров.

Если из вечера в вечер наблюдать за студентами, когда они идут в столовую института ужинать, то легко можно заметить, что один из них всегда идет последним. Это Джонс. Высокий, угловатый парень с светло-коричневым лицом и курчавыми жесткими волосами, он выглядит нервной, развалистой походкой. В такой столовой его появление вечно вызывает волну неслыхно: он входит в нее уже после того, как прозвенел звонок. Достаточно раз взглянуть на этого парня, чтобы почувствовать к нему симпатию; его лицо постоянно озаряет широкая, добродушная улыбка, а открытый взгляд выражает полное удовлетворение всем, что его окружает.

Джон Джонс приехал в институт из Атланты, расположенной далеко, на самом юге штата Джорджия, где море тихо напевает песням, где неслышно исчезают под водой, поднимаются туда, там над поверхностью в виде длинных низких островков. Белое население Атланты считало Джона «хорошим парнем». О нем всегда говорили как о прекрасном работнике за плугом, лезвием-мном на рисовых плантациях и всегда добродушным и почтительным. Но, когда узнали, что мать хочет послать Джона учиться, возмутились:

— Это испортит парня наверняка! И все же Джонс уехал. Почти половина черного населения города провожала его на станцию. Все пожимала ему руку, девушки застенчиво целовали на прощанье, а парни хлопали по спине.

Поезд мчал Джона в глубь материка по широкому равнинам, мимо карликовых пальм саванны, мимо хлопковых плантаций, и вот он очутился в сердце шумного, суетливого Джонстауна.

А те, кто провожал его в Атланте, теперь часто повторяли одно и то же: «Когда Джон вернется...» Какую они устроит тогда вечеринку! Какие будут речи в негритянской церкви! Может быть, будет построена новая школа и Джон станет в ней учителем. Может быть, даже отпразднуют веселую свадьбу. Все это непременно будет, когда Джон вернется.

Сначала Джона ждали на рождество, но канкулы оказались слишком короткими, и он не смог приехать, потом ждали его летом, но времена были трудные, а учение стоило дорого, и вместо того, чтобы уехать домой, Джон пошел на работу в Джонстауне. То же повторилось на другое лето, а потом и на следующее. Друзья его детства расселись кто куда, мать поседела, сестра выросла и поступила в дом местного судьи служанкой, а легенда продолжала жить: «Когда Джон вернется...» Буквально такие же слова можно было слышать и в доме судьи. В этой семье тоже был Джон — светлоголовый юноша с белым, выхоленным лицом, который в детские годы нередко играл со своим черным тезкой.

Широкоплечий, седолоксий судья каждое утро, когда приходил на почту за корреспонденцией, начинал разговор с начальником почты об одном и том же.

— Да, сэр! — говорил он. — Мой Джон учится в Принстонском университете, сэр! Он покажет этим северным жителям, чего может добиться южный джентльмен!

А вернувшись домой с письмами и пачкой газет, обращался к служанке:

— Да, Дженин, а как ваш Джон? — И тут же добавлял: — Очень жаль, что твоя мать посылала его учиться: это его испортит!

Девушка-негритянка только удивлялась, слыша такие речи.

Итак, в этом отдаленном южном городке люди жалко возвращаются двух молодых людей, как-то смутно мечтая о тех событиях, которые произойдут после их приезда. Но примечательно то, что редко кто думал онове-

ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНИ»

Мой правнук, которому недавно исполнился год, наверняка присоединился бы к приветствию своего прадеда по случаю опубликования в «Смене» рассказа о двух Джонах. Рассказ этот я написал много лет назад, когда еще не было на свете ни правнука, ни его матери, которая приходится мне внучкой. Она одно время училась в школе в штате Джорджия — на родине двух Джонов, и ей пришлось то, что я написал. Это был чудный край, но там жили плохие люди. Негры находились у них на положении рабов и после того, как белые пытались завоевать для них свободу, Чувство ненависти и злобы не ослабевало. Вот так и произошла трагическая история, положенная в основу моего рассказа. Я надеюсь, что ваша страна навсегда избежит таких отношений между людьми — отношений, которые приносят смерть и бедствия, а не жизнь и счастье.

мению об обоих молодых людях, ибо негры думали об одном Джоне, о чернокожем, а белые — о другом Джоне, сине судья.

А мы, студенты института, долго не могли понять Джона Джонса. Он казался нам сырой глиной, которая не поддавалась никакой лепке. Всегда такой шумный и безалаберный, любящий лезть и смеяться, он ничем не мог заняться серьезно. Джон не знал, как овладевать науками, понятия не имел о том, что все нужно доводить до конца. Глядя на его медлительность, беспечность и крайнее добродушие, мы недоумевали.

Как-то вечером на факультетском собрании мы все сидели очень обеспокоенные и серьезные: Джон опять попал в беду. Последняя его выкладка была уже совершенно несомненной, и все мы торжественно заявили, что «Джонс на основании повторного беспорядочного поведения и крайне невнимательного отношения к учебе должен быть исключен из института до конца семестра».

стопы и рыдания, затем из всех углов послесле- ды выкрики — долго сдерживаемое чувство прорвалось наконец с необыкновенной силой.

Джон так и не понял, о чем говорил старик; он только чувствовал, что этот фанатик выставил его перед всеми на посмешище, стро- то осудил его отношение к религии. Догады- ваясь, что он грубо и неумело коснулся того, что эти люди считают священным, Джон молча встал, вышел из церкви и направился к морю.

Стоял чудная ночь с раскисшими над головами звездным небом, но Джон шел, нич- чего не замечая и лишь смутно чувствуя, что следом за ним робко идет сеестра.

Остановившись на отвесном берегу, он по- вернулся к девушке, печально посмотрел на не- е, и вспомнил с восторженной болью в душе, как мало внимания уделяла сестре по возвра- щению, обняв ее и дав ей возможность вы- плакаться у него на груди.

Потом долго стоял он рядом, глядя вдаль, поперх темнеющего, беспокойного моря.

— Джон, — начала сестра наконец, — неужто всякий становится несчастным, когда... когда принимается за науку, когда многое начинает понимать?

Минутой он молчал.

— Да, возможно, что это так, Джонни.

— А ты рад, что тебе довелось поучиться?

— Да, — последовал медленный, но положи- тельный ответ.

Некоторое время она смотрела на спережа- щие огни на море, потом сказала мечта- тельно:

— Хотела бы и я быть такой... несчастной, и... Она обхватила его шею обеими рука- ми. — И мне кажется, Джон, что я уже чу- чотку стала такой...

Несколько дней спустя Джон отправился к судье с просьбой дать ему место учителя в школе для негров. Судья сам открыл парад- ную дверь, когда Джон позвонил, но, строго посмотрев на него, сказал резко:

— Ступай кругом, Джон, к кухонной двери и жди там!

Сидя на крыльце перед кухонной дверью, Джон смотрел на расставившееся перед ним мановое поле и размышлял в недоумении: что же такое с ним происходит? Каждый его шаг кому-нибудь приносит обиду. Он вернулся се- дя, чтобы служить своему народу, но уже многих обидел. Попытаться поучать в церкви — и оскорбил чувства верующих. Решил быть по- читательным с судьею: хотел войти в дом с парадного хода — и сразу сделал ошибку. Он старался делать так, чтобы все было хорошо, а между тем так трудно было приспособиться к прежней обстановке, найти свое место в окру- жившем его мире! В прошлом он не испытывал такого затруднения, тогда все казалось про- стым и легким. Возможно, оно... Но тут подо- шла к двери сестра и сказала, что судья ждет его.

Судья сидел в столовой перед грудой утрен- ней почты. Он не пригласил Джона сесть и прямо приступил к делу:

— Я полагаю, ты пришел просить место учителя. Так вот, Джон, буди говорить с то- бой прямо. Ты знаешь, что я друг твоего на- рода. Я помогал тебе и твоим родным, помо- ги еще, если бы тебе не азбрело в голову уехать от нас. Я люблю цветных людей и со- чувствую всем их раздумьям и сомнениям, и я и ты, Джон, будем помнить, что в нашей стране негры должны всегда оставаться в под- чинении. О том, чтобы им стать равными с белыми, не может быть и речи. На своем месте белые люди могут быть честными и достойны- ми, и, видит бог, я согласен помочь им. Но если бы они аздумали противиться природе, захотели управлять наравне с белыми людь- ми, жениться на белых женщинах или сидеть в моег гостини, то, клянусь богом, мы при- нудим все меры, чтобы не допустить до этого, хотя бы нам пришлось линчевать всех черномозгов, до последнего человека! И вот, Джон, я хотел бы знать: будешь ли ты, с твоим образованием и разными идеями, кото- рыми ты набрался, уить верных как полка, чтобы они были верными слугами и хоро- шими работниками, какими были их от- цы? Я знал твоего отца, Джон, он составлял собственность моего старшего брата, и он был неплохой негр. Ну так вот: будешь ли ты та- ким, каким был твой отец, или попытаешься возлюбить своим ученикам всякую чушь о возвышении в жизни, о равенстве с белыми людьми и пробуждать в них недовольство, сеять смуту?

— Я хочу получить место учителя, судья

Гендерсон.

Холодный тон, каким это было сказано, не ускользнул от внимания старого рабовладель- ца. Подумав минуту, он ответил кратко:

— Ладно. Посмотрим, что получится. Мож- жешь идти.

Примерно через месяц после открытия негри- тинской школы в Алтамах вернулся другой Джон, высокого роста, веселый, соевранной блондин. После этого на Мейн-стрит часто можно было видеть Джона, тут же полагаясь с сыном. Это была достойная картина: судья гордился так, словно не сын, а он сам окончил университет, а сын брел со скучающим видом, не скрывая своего презрения к провинциально- му городишке, откуда он выехал в Нью-Йорк. А между тем самым честолюбивой мечтой ста- рого судьи было видеть своего сына мэром Алтамах, членом законодательного собрания штата и, быть может, даже губернатором Джорджии.

Между отцом и сыном дома нередко разго- рались горячие споры.

— Боже милостивый, папа, — говорил сын, закуривая сигару, — неужели ты думаешь, что такой человек, как я, может навсегда за- стрять в этом захитом богом городишке, где нет ничего, кроме грязи и негров?

— Да, я так думал, — отвечал судья ледя- нично. Судя по его лицу, внезапно ставшему суровым, можно было ожидать, что он доба- вит что-нибудь более решительное, но тут на- чали подходить соседи, желающие завесе- дительствовать свое почтение сыну.

— Вы не слышали, как Джон подговревает черномозгов в своей школе? — спросил началь- ник почты, как только вошел в гостиную.

— То есть как это подговревает? — спросил судья строго.

— Особенного, конечно, ничего такого нет. Главное, он дерет нос. Мне передавали, что он уже говорил ученикам о революции, о том, что все люди должны быть равны... ну, я проче- такое. По-моему, этот черномозг стано- вится опасным.

— Вы сами слышали?

— Я-то нет. Но Сэлли, моя дочка, расска- зывала матери. Да, собственно, зачем еще надо слышать? Если черномозг обращается к болному человеку и при этом не вскиднет его есэр, то из этого уже видно...

— А кто такой этот Джон? — перебил сын судьи.

— Ну как же, тот самый черный Джон, сын Петти, которым ты дружил в детстве, — по- нялся судья.

Лицо молодого человека вспыхнуло от гнева.

— Ах, да, — сказал он, рассмеявшись, — это тот черномозг, который недавно в Нью-Йорке втерся в театр и ушелся рядом с де- вушкой, которую я сопровождал!

Судья не стал слушать дальше: сегодня весь

дней его все раздражало. Выругавшись про себя, он быстро встал, схватил шляпу и трость и помчался в школу.

...Джону пришлось много поработать, прежде чем он наладил дело в старой, полуразвалившейся лачуге, отведенной под школу. Негри-танское население разбилось на два лагеря: одни были против Джона, другие — за него; родители смотрели на все безучастно; дети приходили в школу грязные, с опозданием; ни учебников, ни карандашей, ни аспидных досок

у них не было. Но Джон взялся за работу с упорством, и уже появлялись какие-то проблески надежды, что все наладится. Дети сывались со школой, реже пропускали уроки, одевались опрятнее...

Урок чтения в младшем классе был в самом разгаре, когда распахнулась дверь и послышался окрик:

— Джон!

Школьник вздрогнул. Учитель обернулся и увидел в дверях злобное, красное лицо судьи.

— Джон,— повторил, свирепая, судья,— школа закрывается! Вы, ребята, ступайте до-

мой и принимайтесь за работу! Белье люди Латамы не станут сорить деньгами ради того, чтобы черномысли бивали в голову разных бредов! Убирайтесь вы все до одного! Я сам запру помешанца.

...После внезапного ухода отца сын беспечно сползся из угла в угол. Он ничего не нахо-

дил в доме, что могло бы заинтересовать его: книги были старые, давно прочитанные, местные газеты до тошноты скучные, а женщины разбрелись по своим комнатам — кто с головной болью, кто с шитьем. Он попытался заснуть, но в комнате было слишком жарко, и он решил прогуляться.

— Боже милостивый,— бормотал он, направляясь к опушке леса,— долго ли придется мне сидеть в этой дыре? Черт возьми, да здесь нет даже подходящей девушки, чтобы пофигуровать!

Он закурил, присел было на пеню, но в эту минуту заметил на тропинке высокую стройную девушку. Она шла в его сторону.

«Кто бы это мог быть? — подумал он.— Э, да ведь это, кажется, Джени, наша служанка! И как это я не заметал раньше, что у нее такая прелестная фигурка?»

— Халло, Джени! Как это так, что ты до сих пор еще не поздравляла меня с приездом?

Девушка смущалась, пробормотала что-то невнятное и хотела пройти мимо. Но сын судьи схватил ее за руку. Она вырвалась и пустилась бежать, а он бросился вслед за ней.

В это время по той же тропинке со стороны моря медленно шел Джон. Возвращаясь домой из школы, он решил встретить сестру, которая в эту пору обычно возвращалась этой дорогой после работы в доме судьи. Джону хотелось пообщаться с Джени о том, что произошло в школе.

«Уезду отсюда,— думал он,— уезду, найду себе работу, а потом заберу мать и сестру».

И вдруг безумный гнев охватил его с такой силой, что, казалось, ему нечем было дышать, и он со всех ног бросился бежать по тропинке в ту сторону, откуда слышался оглушительный крик сестры. За поворотом он увидел ее, бившуюся в объятиях высокого белокурого человека.

Не долго думая, Джон схватил тяжелый сук и изо всей силы ударил им по голове насылыки. Белый Джон, как сон, повалился на землю. Черный Джон туло взглянул на него и быстро зашагал домой.

— Мама, я уезжаю,— сказал он тихим голосом, войдя в дом.

Взглянув на сына подслеповатыми глазами, мать пробормотала:

— На Север, мой мальчик, опять на Север?

Он перевел взгляд в сторону моря, где вечерняя звезда уже тихо мерцала над волной, и сказал:

— Да, мама, я уезду на Север...

Не сказав больше ни слова, он вышел из дому, узким проулком прошел на ту самую тропинку, что вилась среди сосен, и уселся на большом черном пне, рядом с залитым кровью местом, где лежало тело убитого. Давно когда-то, в детские годы, он часто играл с этим, теперь мертвым юношей, бегая среди этих сосен...

Время было уже далеко за полночь. Припомнил Джону кое-что из ребят... там, в Джонстауне. Интересно, как сложились судьба Брауна и Кери? И Джонса... Джонса? Да ведь это он сам — Джонс. И он подумал: что они скажут, когда узнают... узнают о нем, сидя в той большой, диванной столовой, где всегда было так весело? Затем, глядя на сверкающие звезды, он вспомнил о расписанном золотом потолке концертного зала, и до него, казалось, доносился тихая, сладкая музыка. Но музыка ли это? А может быть топот и какие-то голоса? Нет, это не музыка. Отдельно и ясно слышны дикие крики и топот лошадиных копыт, от которых дрожит земля...

Сделав большое усилие над собой, Джон приподнялся и стал вглядываться в даль. В предраассветном сумраке среди сосен он различил танцующие тени лошадей, мчавшихся, словно ураган, в его сторону, и наконец увидел впереди перекошенное злобой лицо судьи. На руке у него змеялся веревка.

Не успев Джон ничего соорудить, как ураган замкнулся вокруг него. Люди с искаженными, свирепыми лицами наседали со всех сторон. Дрожщими руками судья сделал петлю из веревки и набросил ее Джону на шею. Его потащили к ближайшему усту.

Спустя минуту тело Джона забилось в страшных конвульсиях. Весь мир свистел у него в ушах.

Перевел с английского
П. ОХРИМЕНКО.

Начало творческого пути

Фото М. Муразова.

Коммунист Василий Губанов. Этот образ надолго запомнится зрителю.

Провожая Женю Урбанского в Москву, друзья и родственники никак не думали, что через семь лет увидят его на экране киноэкранов. Ита — городок шахтерский, и семья Урбанских — потомственная горняк-

студенческих вечерах, когда он с увлечением читал стихи Маяковского или отрывки из произведений Шолохова.

Евгения неудержимо влекло к театру, всё же больше и больше захватывало искусство, и ему становилось тесно в рамках института самодеятельности. Чтобы окончательно определить, какою же из дорог выбрать, он решил проэкспериментироваться в студии МХАТа. И вот блестяще сданы вступительные экзамены, Евгений зачислен на первый курс. Началась новая жизнь.

Преподаватели МХАТа — прославленные мастера сцены — сразу отметили недюжинное дарование Урбанского. Они видели, с какими трепетом и непосредственностью Евгений воспринимает «секреты» искусства, как настойчиво овладевает мастерством. И не случайно поэтому, когда перед режиссером Юлием Райсманом встал вопрос, кому поручить главную роль в фильме «Коммунист», он остановил свой выбор на Евгении Урбанском.

Трудно уловить эту роль молодому актеру. Нужно было найти верные интонации, жесты, нужно было «вжиться» в образ. Вспомните исключительные по своей силе эпизоды рубки леса, неравной борьбы и убийства Василия. У кого из зрителей не перехватывало дыхание, когда они смотрели эти кадры! Актер показал то удивительное мастерство перевоплощения, ту слитность с образом, которые и называются искусством.

Кинозрители «Коммунист» смотрели миллионы юношей и девушек. Фильм пробудил в зрителях самые глубокие чувства, заставил каждого прозреть свою жизнь, по тому большому сцену, по которому жил, боролся и умер коммунист Василий Губанов.

Работа над ролью Губанова явилась для молодого актера первой школой мастерства. Позже, работая в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского, Е. Урбанский создал те-

кие разнохарактерные образы, как Петрус в «Такой любезняк П. Когоута, Ричард в «Ученике дьявола» Б. Шоу, Кирилла Крайнев в «Раскрытом окне» Э. Брагинского, Петручо в «Укороченный стропилмай» В. Шекспира. Каждая из этих ролей потребовала огромного труда и вместе с тем позволила актеру раскрыть новые грани своего дарования.

Есть у Евгения Урбанского за-

ветная мечта — создать образ великого поэта нашей эпохи Владимира Маяковского. Кропотливо, настойчиво собирает артист все, что связано с именем поэта, перечитывает воспоминания современников. И, несомненно, мечта актера осуществится. Вперед к Евгению Урбанского большая творческая жизнь.

Б. МЕДОВОЙ

Народная артистка СССР Софья Владимировна Гмацинтова внимательно следит за работой молодого актера Е. Урбанского.

кая семья. Отец, мать, брат Евгения трудились в забое, да и сам он, поступив в Московский горный институт, готовился стать инженером. Но все неожиданно изменилось: с третьего курса Евгений ушел из института в студию МХАТа.

Нелегко было решиться Евгению на такой поворот своей судьбы. Преподаватели горного института высоко ценили его способности и верили, что студент Урбанский станет превосходным инженером. В то же время они не раз горько аплодировали Евгению на

Сцена из спектакля «Раскрытое окно». Э. Брагинского. В роли Кирилла — Е. Урбанский, в роли Натаи — О. Бран.

Вашингтон.
Вид на Капитолий.

ДЕМОКРАТИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ

В. НИКОЛАЕВ

В большом, светлом зале, образуя полукруглый амфитеатр, стоят старомодные массивные столы и кресла. В центре полу круга — небольшое возвышение, там тоже несколько кресел и столов. Амфитеатр почти пуст, за исключением нескольких кресел: трое пожилых мужчин сидят рядом, о чем-то беседуют; двое, в другом конце зала, читают газеты; еще один, кажется, дремлет за своим столом. В проходе между креслами стоит человек и проносит речь. Потряса руками, он обращается к пустым креслам с таким жаром, как будто выступает перед огромной аудиторией.

Все это очень похоже на репетицию в театре, но в зале не видно ни шпиль, ни занавеса. Зал приспособлен явно не для зрелища, а для работы. И это действительно так. Мы находимся в зале очередного заседания. Кстати сказать, американская печать называла эту сессию конгресса 85-го созыва самой деловой и интенсивной из всей истории его работы.

Архитектура зала и порядки, введенные в нем, призваны, очевидно, хранить традиции старины; все здесь как бы подчеркивает немальность и долговечность сената. Кресла и столы сенаторов сделаны по образцу 1819 года. На каждом столе, помимо чернильницы и ручки, можно увидеть стеганую банку с песком, заменявшую когда-то промокательную бумагу. В небольших ящиках, по обе стороны от кресла вице-президента, с давних времен стоят две табакерки, которые по традиции всегда заполнены доверью.

Перед вице-президентом лежит солидный молоток из слоновой кости. Когда-то им пользовались во время дебатов. Теперь он просто постоит на столе во время сессии сената.

На стенах зала можно прочитать девизы. Их воспроизвелись как анаграммы, ненужные и также же псевдонимические, как баня с песком и старинные табакерки: «Мы верим в бога», «Бог помогает нам в наших на-

чинаниях», «Новый порядок на века».

— Вместе с одним американским студентом я наблюдаю с балкона это обычное заседание сената.

— Кто это выступает? — спрашиваю я.

— Какой-то сенатор.

— А кто эти несколько человек в креслах?

— Это сенаторы.

— И всегда в зале так пусто?

— Да, это обычная картина.

— А как же они принимают законы?

— Так и принимают. Они получают стенограммы и могут читать их впрямую, врал ли у них к вечеру, когда приходит стенограмма, остается на это время. Ведь заседают неделями, и залежи стенограмм растут и растут.

— Чтобы показать мне, где на самом деле находится политическая кухня, мой знакомый велет меня из пустого сенатского зала в лобби.

Лобби в переводе с английского языка означает «кулуары». Расположившись в небольших особняках и многоэтажных зданиях, соприкасающихся со своим размером с государственными учреждениями, они — плотным кольцом окружили конгресс. По этим лобби не совершившие прогулки или туристской экскурсии, как по зданию конгресса. В лобби с утра до вечера стучат пишущие машинки, звонят телефоны. Там, в современных, оборудованных по последнему слову техники зданиях, люди трудятся в поте лица своего за закрытыми дверями, обходясь без пыльных вывесок и громких девизов на стенах. Там не тратят времени на прерывающиеся туристы, и без моего американского знакомого мне не удалось бы побывать в таком лобби.

Двуэтажный особняк, куда мы вошли, оказался лобби религиозной квакерской организации. В небольшой приемной молоденькая секретарша спросила наши имена. На столе у нее и на полках вдоль стен много различных брошюр. На их обложках — название этого лобби. Поднимаемся вверх, на второй этаж. В не-

скольких комнатах сидят за столами люди, пишут, читают, стучат на машинках. Мы проходим в кабинет, где нас встречает женщина средних лет, азиатского лица в этом учреждении...

— Скажите, пожалуйста, — спрашиваю ее, — каковы задачи вашего лобби?

— Наша главная задача, — отвечает она, — состоит в том, чтобы оказывать влияние на конгресс в духе программы нашей организации, в религиозном духе.

— Каким образом это достигается?

— Во-первых, есть один сенатор — квакер, и мы с ним тесно сотрудничаем.

— С ним с одним такое сравнительно большое учреждение, как ваше?

— Нет, не больше с ним. Мы распространяем наши листовки и брошюры среди членов конгресса, обращаемся к ним с различными петициями.

— Кто финансирует вашу организацию, ваше лобби? Кто платит служащим, кто платит за печатание брошюр и другой издаваемой вами литературы?

— Наша организация существует на частные средства.

Существующее на частные средства скромное квакерское лобби пытается пропандировать среди конгрессменов христианскую веру. А что могут пропандировать лобби стальных, нефтяных, авиационных корпораций? По сравнению с ними особняки, где размещаются квакерское лобби, кажется атеридной пещинкой. У лобби, которые содержат корпорации, сенаторский актив состоит отнюдь не из одного человека. Далеко стало нормальным такое положение, что около каждого сенатора крутятся лоббисты, которых насчитывается свыше двенадцати тысяч.

В числе этих деловитых лоббистов немало бывших сенаторов, много адвокатов. Лоббизмом, как одной из доходных отраслей американского бизнеса, занимаются с крупнейшие адвокатские фирмы.

На чьи деньги существуют самые аляпистые лоббисты? На чьи деньги приважики живут тысячи

лоббистов? На деньги монополий. Оливко лоббисты беззастенчиво заявляют вам, что ими занимаются тем, что выражают перед конгрессменами мнение американского народа. О том, же мнение на самом деле выражает лобби, красноречиво говорят решения последней сессии конгресса, на заключительных заседаниях которой мне довелось побывать. И слышу видно, что эти решения были продиктованы из лобби капиталистических магнатов.

Прямые военные расходы в текущем финансовом году, утвержденные конгрессом, достигли рекордной для мирного времени суммы, но через конгресс не прошли предложения о снижении налогов на личные доходы населения, о повышении федерального минимума заработной платы, о расчистке городских трущоб, строительстве школ и т. д. Мало того, что на военные расходы были утверждены колоссальные суммы, прекращаемые газетам образом в сейфы крупнейших монополий. Были приняты и новые законы, цель которых — увеличить прибыли аве тех же монополий.

В свое время конгресс 85-го созыва перед лицом всего мира доказал свою верность нефтяным магнатам, став на сторону агрессоров во время суэцкого кризиса и во время агрессии США и Англии в Ливане и Иордании. Осенью 1958 года конгрессмены снова доказали свою верность интересам большого бизнеса. Они не сочли необходимым обсуждать такие вопросы, как прекращение гонок вооружений, запрещение испытаний атомного и водородного оружия, развитие нормальных торговых отношений со всеми государствами. А ведь именно эти вопросы волнуют сегодня все народы мира, в том числе и американский народ. В этом я смог лично убедиться, путешествуя по Соединенным Штатам. Ни один разговор, ни одна встреча с американцами, с американской молодежью не проходили без разговоров о судьбах мира и как раскрытия внутренних сил атома. Я не встретил ни одного человека, который бы не приветствовал

В столь необычных туалетах американцы ходят в музей.

инициативу Советского Союза, прекращающего тогда испытания ядерного оружия. Все американцы, которые не согласны с этим, считают, что правительство Соединенных Штатов должно последовать примеру Советского Союза. Так думает большинство американцев, но, как мы знаем, мнение американского конгресса расходится с мнением американского народа.

Если в зале заседаний сената встать лицом к амфитеатру, то справа от центрального прохода будут места сенаторов-республиканцев, а слева — демократов. В высшем органе государственной власти заседают представители этих двух партий, периодически сменяющих одна другую.

«Какая же между этими партиями разница?» — этот вопрос я задавал во многих штатах и городах Америки. Задавал его и сенаторам, и студентам, и домохозяйкам, и бизнесменам, и журналистам, и многим-многим другим. И, как это странно, ни от кого не получил конкретного, ясного ответа. Мои коллеги, журналисты, отвечали: «Не знаю, не знаю». Ответ на мой вопрос сказали, например, что все различия заключаются только в том, что обе партии критикуют друг друга. И в самом деле, когда в власти стоят республиканцы, тогда демократы сваливают на них всю ответственность за безработицу, нехватку школ, высокие налоги, агрессивную агрессивную политику и т. п. Приходит к власти демократы — республиканцы становятся в позу обидливых, обещая — как до этого только что обещали демократы — исправить все пороки существующей политики, когда они снова придут к власти. И постоянно они обвиняют друг друга во взаимоотношениях, связанных с преступным миром. Самое же интересное заключается в том, что эти взаимные обвинения являются не результатом заплывшей полемикой, а фактами, взятыми из жизни, из американской действительности.

Во время моего пребывания в Соединенных Штатах Национальный комитет демократической партии США опубликовал «Книгу фактов» о внешней и внутренней политике правительства Эйзенхауэра. За шесть лет, говорится в книге, правительство Эйзенхауэра привело страну к наиболее жестокому со времени второй мировой войны сокращению расходов на общий оборонительный аппарат политики и поставило США перед лицом смертельной угрозы войны. В стране, говорится в книге, около 5 миллионов безработных, цены и налоги самые высокие за всю историю США. По свидетельству авторов книги, свыше 15 миллионов американцев живут в трущобах.

Мне довелось путешествовать по Америке, когда там закончилась подготовка к частичным выборам в конгресс и на посты губернаторов штатов. Никаких признаков активности населения в ходе выборов вообще не замечалось. Как известно, добрый половина американцев вообще не ходит к избирательным урнам, не желая, очевидно, попусту тратить время на то, что по большому счету была бы бурная деятельность: прессы, телевидения, политической рекламы. В Нью-Йорке, например, всех прохожих ослепляли своими улылками два миллиарде-

ра — Рокфеллер и Гарриман, претендовавшие на кресло губернатора штата Нью-Йорк. Они излучали эти улыбки с бесчисленных портретов, с экранов телевизоров, со страниц газет и журналов. Но их улыбки, как видно, не сдержали сердце простого американца, уставшего от постоянного призыва безработицы, от военного психоза, роста цен, роста налогов... И в самом деле, не дало ли равно жителю штата Нью-Йорк, какой из двух миллиардеров встанет в кресло губернатора? «Они миллиардеры и, значит, не будут воровать», — глубоко мысленно отмечала в те дни газета «Нью-Йорк таймс». Что же! По мнению газеты, единственно

«Мому нона-нолла» — истинно кричит разносчик на чинажном стадионе.

средство борьбы с коррупцией в высших сферах — это распределение высоких постов среди миллиардеров. Но кому же ясно, чьи интересы будут охранять американские миллиардеры, которые все активнее выходят сейчас на политическую арену?

Пытаясь завоевать если не сердца, то хотя бы голоса избирателей, Гарриман и Рокфеллер не только улыбаются и произносят слащавые речи, но только пожимают руки простым рабочим перед объективами теле- и кинокамер... И тот и другой кандидат включил в свои предвыборные сценарии такую сцену, разыгранную студией телевидения: Гарриман обнимал и похлопывал по плечу негра, а Рокфеллер — пуэрториканца. Но в те же самые дни, когда Гарриман и Рокфеллер выступали на митингах, полицейский из охраны Капитолия в Вашингтоне среди бела дня и за что ни зри что вынул негра-американца и был оправдан; в штате Алабама судебные власти приговорили негра к смертной казни за кражу... одного доллара девятиста пяти центов; в штате Арканзас губернатор закрыл несколько школ, чтобы не допустить туда детей негра; в городе Клинтоне расисты взорвали школу, в которую были допущены 11 детей негра.

Все это вопиющие случаи, о которых можно прочитать в папках до сенсации американских газет. Но сколько в Соединенных Штатах таких фактов, кото-

рые, очевидно, уже не бросаются в глаза американцу, но из которых соткана сама американская действительность.

В Сэй-Пойнте (штат Северная Каролина) я побывал на большой мебельной фабрике. В одном из цехов я долго стоял у искусной машины, соединяющей деревянные детали в одно целое. Её управляли двое рабочих — негр и белый. Неожиданно раздался аэонок — перерыв. Машина остановилась. Кочич рабочий, негр и белый пошли от станка. Но пути их вдруг разошлись — белый пошел в одну дверь, на которой было написано «Только для белых», а негр — в другую.

«Только для белых» — сле-

Чинаго. На параде Американского легиона, расистической воинствующей организации.

дана эта надпись или нет — все равно в Америке всюду проходит невидимая грань между черными и белыми.

И если в домах состоятельных американцев и аидел, как на их кухнях работали негритянки; если по прекрасным шоссеам магистралям и автостр., что их строят преимущественно негры,

Осенью 1958 года, в то самое время, когда заседал американский конгресс, по Соединенным Штатам прокатилась новая волна расизма. И, несмотря на это, у сессии конгресса не нашлось армян на обсуждение «вопроса о гражданских правах». За этой сценой, официальной формулировкой трагедии 17-миллионного негритянского народа и нескольких миллионов американских граждан латиноамериканского и азиатского происхождения, идущей и другой национальных меньшинств, страдающих в США от национального угнетения.

В том, что у конгресса не нашлось времени на обсуждение этого вопроса, нет ничего удивительного: в разгаре расизма повинны прежде всего сами власти. Газета «Нью-Йорк таймс» писала, например, что выступления расистов в Литл-Роке не были случайными. Они были тщательно организованы при поддержке властей.

Но не только неграм не складно по сенью американской демократии. В Де-Мойнсе профессор такси, с которым мы разговаривали, жаловался, молвив научным работником.

— Многие годы я учился и ра-

ботал, чтобы платить бешеные деньги за учебу... рассказывал он о себе. — Это было чертовски тяжело. Наконец я закончил учебу и стал преподавателем в школе. Жениться, родился ребенок. Платили в школе плохо, и я тому же я мечтал о научной работе, начал было писать диссертацию. Ближе к делу пошел профессор. Мои концы бросил преподавательскую работу и вот пошел на такси. Думал подработать денег и закончить диссертацию. Но что-то и здесь не пошло. Вроде бы не жалуюсь, у меня хотя бы есть работа.

Да, у него есть работа, которой нет сегодня у пяти миллионов американцев, но объективный факт, и оно немалое было удасться даже на заседаниях американского конгресса.

Среди законов, принятых конгрессом в 1958 году, есть и закон «О временном дополнительном пособии по безработице». Казалось бы, по названию закон неплохой. Безработные в Америке составляют достаточно многочисленную категорию, и они нуждаются в помощи. Как свидетельствуют сами конгрессмены, принятый закон предусматривает «сверхнормальные меры с тем, чтобы помочь безработным, которые терпят серьезные лишения, вызванные экономическим спадом».

К чему же на самом деле сводятся эти чрезвычайные меры? Согласно принятому закону, безработные, уже переставшие получать пособие по безработице, смогут получать дополнительную помощь в размере 50 процентов от суммы, которую они получали раньше. Но тот же самый закон закрепляет это положение. Во второй статье закона говорится, что он будет распространяться только на те штаты страны, которые заключат с федеральным правительством соглашение о продлении выплаты пособий и которые согласны возместить сумму, выделенную федеральным правительством для этой цели. Таким образом, даже и этот кусочек закона не имеет силы закона, а является своего рода рекомендацией, которую власти любого штата могут принять, а могут и не принять. Даже мистер Мини, этот реакционный руководитель американских профсоюзов, называвший этот закон «законом «вечной жизни» законодательным обменом из всех когда-либо задуманных для безработных Америки».

В американский конгресс в 1958 году, в первый раз, он сам признает, экономический спад, «эпидемию» об американских безработных.

Когда этот номер журнала уже издавался в типографии, пришло сообщение еще об одном решении американских конгрессменов. В нем выдвигалось требование удвоить усилия для успешного запуска американской ракеты в сторону Луны. При этом подчеркивалось, что подобное достижение имело бы огромное значение для международного престижа США. По признанию судьбы, самый момент принятия этого решения совпал миром у запущенной советской космической ракеты. Придется конгрессменам еще и еще раз похлопать голову над тем, как поправить международный престиж США с их пресловутой демократией и американским образом жизни.

Поль Робсон направляется к дереву дружбы.

ДЕРЕВО ДРУЖБЫ

Фото А. Шмелева и Г. Васильева.

Не часто можно увидеть такое чудо: на одном дереве растут пять различных видов и сортов цитрусовых! Рядом с плодами глянцевыми помыльмуша оо, достигающих двенадцати сантиметров в диаметре, висят плоды инжинов, которые по своим размерам не больше обыкновенной вишни. На одном дереве ятисские мандарины и итальянские лимоны, американские грейпфруты и цитрусовые, выведенные в

нерученый Федор Михайлович Зорин сделал на нем португальскому профессору Бертрандо университетского профессора Ружоца Главани, посетившая в качестве экскурсанта опыта студию, попросила разрешения сделать на этом побольше ей дереве прививку нового сорта мандарина из янвх соруджества советских и китайских ученых». После нее в разное время сделали прививку китайские ученые Гун Цидэ, Ли Цзи-чен, Тун Вьнь-ли, болгарский ученый Василий Стайков, британцы Галла Харес, румыны Николай Гена Бузар Менеску, бывший министр земледелия Адамштанца Мир Мохаммад Юсуф, немецкий ученый Обердорф. Не так давно посмотреть на «яную коллекцию» цитрусовых пришли японские врачи Данг Хань Хой, Нитсуо Такуе Мау и Ву Та Хуэ Уэанв о том, сколько прививок сделано на знаменитом дереве люди разных стран, гости из далекого Вьетнама сказали: «Это — настоящее дерево дружбы!»

Все больше и больше людей узнает о чудесном дереве дружбы, выращенном на богатой советской земле. Многие, кто приезжает в Сочи, считают своим долгом посмотреть на него, а при возможности оставить на нем память в виде будущего ароматного плода. Была такая день минушим летом, когда прививку сделали представители семи народов! Выразил свое восхищение сочинской достопримечательностью, французский писатель Верноу во время поездки.

— Первый раз в жизни обогнал сад, не сходя с места. Во время своего недавнего посещения СССР изгнать на оригинальное растение пришел со своей супругой, вышедшей из партии, пламенный борец за мир Поль Робсон. Супруги Роб-

соны привили к дереву дружбы почти новых сортов сочинского мандарина. Две недели спустя на той же ветке сделали прививку известного китайского певца Чван Го-ли и народным артистом СССР Валерия Барова. Так на дереве дружбы появилась «ветка артистов мира».

В конце сентября на опытной станции приехали в составе обычных экскурсантов: юные китайские артисты из Уханьского цирка, выступавшего в те дни в нашем городе. Гости, сопровождаемые сочинские школьники, изучающие китайский язык. После их посещения на дереве появилось еще несколько прививок. Чудо-дерево хранит память о пребывании в СССР гостей из двадцати одной страны мира. Правы были вьетнамские товарищи, называвшие это дерево деревом дружбы!

г. Сочи. В. НАУМОВ

«Сейчас делает прививку ваз английского герцога Челтенхэма Чарльз Шарли»

Кандидат сельскохозяйственных наук Федор Михайлович Зорин объясняет юным артистам Уханьского цирка Са Цинь-чун и Лань Чан-фу, как делают прививку.

Советском Союзе. Это чудо-дерево выращено на опытной станции субтропической культуры в Сочи. Почти четверть века назад селекцио-

Первая страница обложки: Идет сверхлавиный чутун!... Подручные старшего охотника 5-й комсомольской семьи дома Челдинского металлургического завода комсомольца Арсения Дудыкина на входе в честь 81 съезда партии. Фото А. Скрягина.

Главный редактор М. А. Великий.

Оформление В. Урина.

Адрес РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д 3-31-68, студенческой молодежи — Д 3-35-24, очерков и публицистики, фотокорреспондентов и спорта, информации — Д 3-36-90, писем — Д 3-31-69.

А 00113. Подписано и печатно 15/1 1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 130. Заказ № 3084. Формат бумаги 70x108/16. 1,75 бум. лн. — 4,8 печ. л.

Четвертая страница обложки: Утро в зимнем лесу. Фото В. Кулакова.

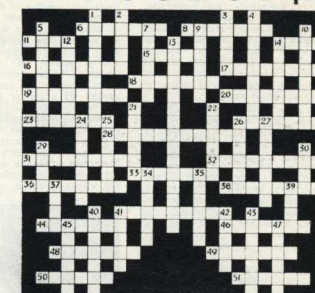
Редколлегия: Г. Гуня, Е. Домгазовский, Н. Жуков, М. Зюнов, М. Лукомин.

Технический редактор О. Шилова.

Оформление В. Урина.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Б. Федоров

По горизонтали:

- Легендарный герой стихотворения В. Маяковского.
- Экспериментатор.
- Вид народного зрелища.
- Машина для изготовления крупных металлических изделий.
- Повесть А. Гайдар.
- Заботливое отношение к людям.
- Приспособление для привывки в горшочном спорте.
- Станок, совершающий производственные процессы без участия человека.
- Работница-монтажница.
- Специальное помещение для работы с книгой.
- Обработка почвы при закладке ледковых насаждений.
- Работница.
- Фильм о комсомольцах — строителях

По вертикали:

- Мечты, чувства, возмущающие человеческие стремления.
- Минувшие годы, прошедшее время.
- Начало спортивного состязания.
- Спортсменка.
- Народное гуслище.
- Рабочая семья в романе В. Кочетова.
- Игритивный рисунок с нарушением призывным текстом.
- Ягодник.
- Насаживаемый в горшках промислах.
- Радиоприемник.
- Ураганский музыкальный инструмент.
- Спортивный прыжок.
- Спортивный прыжок.
- Безый полешовый шпатель.
- Одна из тригонометрических функций.
- Город, где сооружена и залита комсомольская донна, крупнейшая в Европе.
- Советский кинорежиссер.
- Метероритный поток, выпадающий в ноябре.
- Поман Н. А. Герасимова.
- Государственный музей.
- Стихотворный ритм.
- Пламенный дивергент Государственного симфонического оркестра СССР.
- Город южной Сибири.
- Выдающийся балетмейстер, получивший «Большой приз» на Всемирной выставке в Брюсселе.
- Промышленная рыба.
- Песня о комсомольцах-добровольцах.
- Народная пляска.
- Стремление к новому, лучшему.

«В НОГУ С ЖИЗНЬЮ»

Рисунок И. Богдановича.

— Бабушка! Обязательно все перештопать и готовить и заниматься по домоводству.

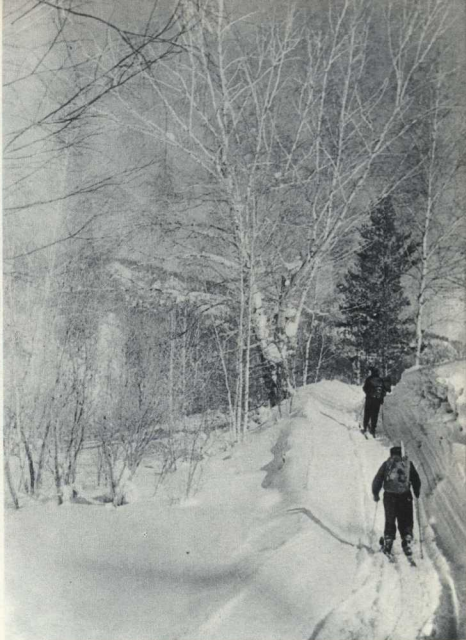
НАШ
ФОТО
КОНКУРС

Минувшим летом студент Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Геннадий Харитонов побывал на строительстве Братской гидроэлектростанции. Там родилась у художника-комсомольца тема его дипломной работы «Бурлиущий Братский ГЭС».

На снимке: художник за работой.

Фото В. Фомичева,
г. Ленинград.

В походе.

Фото Э. Орлова,
г. Усть-Каменогорск,
Казахской ССР.

Идет цалинный хлеб...

Фото В. Виноградова, г. Москва.

Цена номера
2 руб.

